

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

КОПИЛ
ЛЕТЕНАБИ

Сергей Васильевич Лукьяненко

Конец легенды (Сборник)

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164788
Конец легенды: АСТ, Харвест; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-048524-6, 978-985-16-4055-9*

Аннотация

Сергей Лукьяненко – имя, которое для всех ценителей отечественной фантастики давно уже не нуждается в пояснениях и комментариях.

Перед вами – сборник, в который вошли самые известные «малые» произведения Лукьяненко – повесть «Кредо» и рассказы разных лет, относящиеся к различным жанрам и направлениям фантастики.

В сборник вошли произведения:

- Кредо
- Мой папа – антибиотик
- Вкус свободы
- Дорога на Веллесберг
- Почти весна
- Слуга
- Плетельщица Снов
- Поезд в Теплый Край

- Проводник Отсюда
- Конец легенды
- Хозяин Дорог
- Фугу в мундире
- Девочка с китайскими зажигалками
- Гаджет
- От судьбы
- Живи спокойно
- Вся эта ложь
- Не спешу
- Последняя ночь колдуна
- *Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын* «Феномен по имени Лукьяненко»

Содержание

Кредо	5
1	5
2	32
3	57
4	81
Эпилог	102
Мой папа – антибиотик	105
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Сергей Лукьяненко

Конец легенды (Сборник)

Кредо

1

На Измайловском снова была пробка. Мегаполис жил по законам моря: с утра – прилив, к центру с окраин, к вечеру – неизбежный отлив. Обычно Артём выезжал из дома попозже, стараясь не попасть в утренний поток, но сегодня клиенты ждали его к девяти.

На набережной машина почти встала. За полчаса Артём едва ли проехал километр, и когда удалось наконец свернуть во дворы и доехать до офиса кружным путем, распугивая старушек на скамейках и мамаш с колясками, он уже безнадежно опаздывал.

К себе, на третий этаж офисного здания, он вбежал пешком, не дожидаясь лифта. Без двадцати десять. Сам Артём не стал бы ждать такого необязательного детектива. Заглянул бы в одну из соседних дверей, тут каждый второй – сыщик.

Но клиенты ждали, не ушли. Высокая худая женщина не первой молодости, мелкий и тоже худой мужчина и мальчик

лет десяти. Как часто бывает в таких случаях, пацан был толстый, ничем на родителей не похожий.

– Извините, попал в пробку, – отпирая дверь в кабинет, сказал Артём. – Ей-богу, мне очень неудобно...

– Ничего, ничего, – фальшиво сказала женщина. – Эти пробки повсюду. Мы специально выехали на час раньше, чтобы не опоздать.

Артём сморщился, но ничего не сказал. В конце концов, он был виноват сам.

– Прошу, проходите...

Обосновавшись в кресле он почувствовал себя увереннее. Все было неправильно – частный детектив должен встречать клиентов сидя в кресле, перед заваленным бумагами столом. Деловитая секретарша должна подавать кофе, а хозяин кабинета молча выслушивать лепет клиентов, иронически улыбаясь и катая во рту незажженную (из вежливости) трубку.

– Секретарша в отпуске, послезавтра выходит, – оправдываясь и презирая себя за это, сказал Артём. – Может быть, кофе?

– Было бы хорошо, – сказала женщина. – А Ванечке – колы.

– У меня нет колы, – признался Артём.

Вид у женщины был такой, будто Артём заявил, что не имеет лицензии.

– Тогда хотя бы воды.

Пришлось встать, бегать за водой (как назло – фляга в

колонке оказалась пустой), кипятить воду в чайнике... Хорошо хоть в холодильнике осталась бутылка минералки – мамаша бдительно наблюдала, какой водой собираются напоить ее толстого сына.

К тому моменту, когда взрослые получили свой кофе, а ребенок – воду, к которой даже не притронулся, Артём ощущал себя не детективом, а кем-то средним между официантом и домработницей. Хуже всего, что и женщина теперь смотрела на него как на прислугу.

– Итак? – спросил Артём, отпив глоток кофе.

– Нам вас рекомендовали, – с огромным сомнением сказала женщина.

Артём пожал плечами с видом человека, которого рекомендуют все и всем. Как ни смешно, но это было почти правдой.

– Говорят, вы работали в МУРе... в «убойном» отделе, – последние слова женщина произнесла с отвращением. – И вообще, очень опытный детектив.

– «Убойный» отдел – это жаргон, – сказал Артём. – Отдел по расследованию особо тяжких преступлений. Да, работал. Но сейчас я специализируюсь на делах, связанных с наследованием...

– Это замечательно, – оборвала его женщина. – У нас именно такое дело. Сущий пустяк, но хотелось бы получить... консультацию.

Артём едва не сказал, что консультация сама по себе сто-

ит немалых денег. Но после опоздания и постыдной суеты с кофе это было невозможно.

– Я вас слушаю.

– Коля, – женщина строго посмотрела на мужа. Тот часто заморгал и начал говорить, безуспешно пытаясь попасть в тон супруге:

– Ванечке на днях исполнилось девять. Мы посоветовались и решили, что стоило бы узнать, кем он был в прошлой жизни. Это поможет в выборе профессии и вообще крайне полезно в воспитательных целях...

– Я понимаю все плюсы и минусы такого решения, – сказал Артём.

А про себя подумал: «И как вы еще до девяти лет дотерпели... Не о пацане вы думали. О деньгах».

Мужчина на миг сбился. Продолжил:

– Мы – люди православные, все сделали, как положено. Поговорили с батюшкой, заказали молебен...

– Коля, – сказала женщина с презрением. – Не расплывайся. Господину детективу вряд ли интересны детали.

– Два нотариуса, все честь по... – мужчина запнулся.

– Дайте мне протокол, – попросил Артём. Взял из рук мужчины листы голубоватой бумаги. Водяные знаки, печати... Подписи нотариусов, подпись государственного инспектора, подпись детского психолога, подписи двух свидетелей, подпись священника... Проверка проводилась в Таганском районном ЗАГСе... Печати. Штамп регистрации в

государственной Палате по Реинкарнациям. Все, как положено. Так... время... в здравом уме, твердой памяти... ля-ля-ля...

«После стандартной инъекции успокоительного (реланиум в возрастной дозировке 0,5 мл) Иван Николаевич Туванский, девяти лет, в присутствии родителей и вышеперечисленных лиц был подвергнут облучению в Звезде Теслы, интенсивностью 75 Ватт, частотой базового поля от 1 до 15 Герц. При частоте поля 3 Герца (реакция в пределах стандартного допуска) мальчик вошел в транс, и был включен высокочастотный контур. Вслед за этим был достигнут устойчивый словесный контакт с его предыдущей инкарнацией, продолжавшийся семь с половиной минут».

Далее шел подтвержденный подписями свидетелей протокол. Артём покосился на мальчика, представил, как тот лежит на кушетке, на голову его надета Звезда Теслы, глаза открыты и слепо смотрят, а губы шевелятся... и говорят чудим, взрослым голосом.

Протокол был написан на манер пьесы – в начале строки имя говорившего, потом его реплика или действия. Жесткой формы протокола, как ни странно, не существовало.

«Диакон Антон Митяев. „Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Ответствуй мне, душа ли ты человеческая или исчадие бесово?“

Иван Николаевич Туванский. «Не грузи, поп. Душа. Что там требуется?»

Диакон Антон Митяев читает молитву. Брызгает на чело мальчика святой водой и прикладывает к устам крест. Мальчик целует крест. Корчей и криков не наблюдается. Диакон Антон Митяев признает, что устами Ивана Николаевича Туванского говорит его прошлая инкарнация, и уступает место государственному инспектору.

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «От имени Российской Федерации я готова зафиксировать ваше волеизъявление».

Иван Николаевич Туванский. «Русские? Угораздило... Я хоть мужик?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы мужского пола».

Иван Николаевич Туванский. «Какие отношения у русских с Америкой?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Нормальные. Дружеские».

Иван Николаевич Туванский. «Это значит, мы вас победили?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Я же говорю – у нас дружеские отношения! Вы будете отвечать на вопросы?»

Иван Николаевич Туванский. «Буду».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Расскажите, кто вы. Назовите ваше полное имя, время и место рождения, время, место и обстоятельства смерти».

Иван Николаевич Туванский. «Кевин Лемаут. Родился шестого октября одна тысяча восемьсот семьдесят третьего года в Нью-Йорке. Умер двенадцатого ноября одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Нью-Йорке. Сердце остановилось. Гадкое ощущение, скажу вам...»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Мы догадываемся. Примите наши искренние соболезнования. Остались ли у вас незавершенные дела? Не желаете ли вы что-либо передать родным и близким, правоохранительным и государственным органам?»

Иван Николаевич Туванский. «Хе-хе... А много лет прошло?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Более сорока лет».

Иван Николаевич Туванский. «Жаль. Сынок, видать, уже помер... Передайте налоговой службе США, что я их имел, как хотел».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Больше ничего?»

Иван Николаевич Туванский. «Хватит и этого».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы хотите что-нибудь сообщить своей новой инкарнации?»

Иван Николаевич Туванский. «Пацан, говорите? Ну, скажите, пусть с бабами будет поостороже. Эти стервы все соки выпьют, им только деньги твои нужны, а отвернешься – на сторону смотрят. Никогда мне с бабами не везло!»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «В каких сферах деятельности вы преуспевали, а какие были не слишком успешны?»

Иван Николаевич Туванский. «Бакалеей я торговал, оптом. Ничего, нормально. Вот когда свой магазин открыл – начались сплошные убытки».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Это все?»

Иван Николаевич Туванский. «Русский, говорите... А с коммунизмом вы уже завязали?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «В России сейчас демократическое общество. Капитализм, если вам угодно».

Иван Николаевич Туванский. «Ага... Я человек не бедный. Когда умирал, „стоил“ больше миллиона. За неделю до смерти переписал завещание. Детям оставил половину, пусть подавятся, дармоеды. А половину завещал своей будущей инкарнации. Так что мальцу счастье подвалило. За сорок лет процентов должно накрутить изрядно...»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Благодарю вас от имени вашей инкарнации. К сожалению, как вы понимаете, прямое общение между вами невозможно».

Иван Николаевич Туванский смеется.

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы хотите еще что-нибудь сказать?»

Иван Николаевич Туванский. «Хватит уж. Не мучай... Эй, скажите, а не придумали еще такого, чтобы мне в этой вот инкарнации в жизнь вернуться?»

Государственный инспектор выключает Звезду Теслы и Иван Николаевич Туванский погружается в нормальный сон».

Артём вздохнул и отложил протокол. Все, как обычно. Редко какая беседа не завершалась вопросом души о возможности новой жизни. Настоящей жизни, а не того странного состояния, в которое погружены деинкарнированные.

– Что ж... поздравляю вас, – он посмотрел на мальчика, потом на женщину. – Как я понимаю, вам требуется обратиться с этим протоколом в адвокатское бюро. Я могу порекомендовать.

– Мы уже были у адвоката, – резко сказала женщина. – Дело в том, что завещание господина Лемаута не сохранилось. Все деньги получили его дети. Сейчас дело ведет его внук, фирма до сих пор существует.

Артём развел руками:

– Боюсь, что это уже не в моей компетенции. Если господин Лемаут не озаботился поместить завещание в безопасное место...

– Но оно же было! Было! – женщина повысила голос. – Он сам сказал! Деинкарнированные не лгут!

– Не лгут, – согласился Артём. – Но солгать могут свидетели разговора. Будь вы американскими гражданами... ну

хотя бы английскими... К сожалению, были прецеденты, когда в России фальсифицировали протоколы. Дело Васильева против Рокфеллера...

– Я знаю, – женщина собралась. Сидела напряженная и мрачная, что-то обдумывала. Потом сказала: – Вы могли бы собрать какие-то улики? Доказать, что завещание существовало?

– Написанное сорок лет назад? – Артём даже опешил. – Поверьте, только в дурных голливудских фильмах преступники хранят улики. Сгорело давным-давно ваше завещание в камине. Нет, единственный путь – подключить хорошее адвокатское бюро... конечно, получить деньги полностью вряд ли удастся, но наследники Лемаута могут пойти на компромисс. Скажем – сто, сто пятьдесят тысяч...

– Полмиллиона! – взвизгнула женщина. – И не нынешних долларов, а тех, что в шестьдесят первом были!

– Частный детектив вам ничем не поможет, – Артём развел руками. – Ни российский, ни американский. Только адвокат... но учтите, что придется вызывать прежнюю инкарнацию снова и снова. А облучение в Звезде Теслы с каждым разом все более и более... – он замолчал.

Мужчина посмотрел на сына с испугом.

Женщина поджала губы. С нажимом произнесла:

– Это его деньги. Его. На достойное обучение, на открытие собственного бизнеса! Если понадобится, он пройдет Звезду еще десять раз!

– Еще никто не оставался в здравом рассудке после двенадцати облучений, – тихо сказал Артём. – Мне нужно объяснить вам прописные истины? Первый сеанс – риск развития шизофрении один на миллион. Второй – один на двести тысяч. Третий – один на пятьдесят тысяч. Четвертый – один на тысячу. Пятый – один на триста тридцать. Шестой...

– Не смейте пугать ребенка! – неожиданно выкрикнул мужчина. – Ванечка, не слушай его!

Ванечка и не слушал – тараторил на аквариум с рыбками. Напуганным он ничуть не выглядел.

– Это ваше дело, – сухо повторил Артём. – Но я бы не советовал.

– А вашего совета никто не спрашивает! – несколько непоследовательно заявила женщина. – Детектив... ха! Ваня, мы уходим!

Мальчик встал и послушно пошел за матерью. Отец на миг задержался в дверях, тоскливо посмотрел на Артёма. Артём покачал головой. Отец мальчика вздохнул и беспомощно развел руками.

Несостоявшиеся клиенты вышли.

– Твою мать... – сказал Артём, имея в виду вполне конкретную мать. Инкарнациям господина Лемаута и впрямь не везло с женщинами. Даже с матерью в очередной раз как-то криво вышло. Ради ничтожного шанса отсудить у американцев деньги она готова довести сына до сумасшествия.

Шестое включение Звезды Теслы – сходит с ума каждый

сотый. Седьмое – каждый пятнадцатый. Восьмое – каждый четвертый. Девятое – каждый третий. Десятое – каждый второй. Одиннадцатое – все! Существует не более десятка доказанных исключений.

Но двенадцатого включения и впрямь не выносит никто.

Опыт, к сожалению, накоплен немалый. Институты инкарнационной истории платят безумные деньги тем счастливым (или все-таки неудачникам?), которые в прошлый раз жили давным-давно, да еще и в «интересное время». В прошлой жизни тебя убили при Ватерлоо? Десять тысяч долларов за десять минут под Звездой Теслы! Тебя спросят о никому, кроме историков, не нужных подробностях битвы. И предложат прийти еще раз.

Некоторые приходят. Некоторые играют в рулетку с судьбой довольно долго.

Но еще никто не выигрывал больше одиннадцати раз.

Артём допил кофе – холодный и уже невкусный, встал, подошел к окну. Чахлые деревца во дворе радовали глаз зеленой листвой – лето только наступило, не успело еще высушить и припорошить городской пылью листья.

Дождь бы... дождик. Артём всегда любил дождь. Даже маньяк по кличке Мокрец, обожавший убивать в ненастье, этой любви не отбил.

Три года уже прошло. Маньяк угомонился, расследование мало-помалу заглохло.

Его так и не поймали. Одиннадцать убитых, все – «чистые

души», живущие в первый раз. Что за странный повод для убийства? Но разве маньяку нужен настоящий повод...

Он сунул руки в карманы, достал бумажник. Последняя сотенная. Больше денег не предвидится. На счету пусто, клиентов нет.

Кстати, а ведь ему так и не заплатили. Даже за консультацию. И впрямь, зачем платить детективу, который говорит неприятные вещи? Лучше найти другого, который обнадёжит, получит гонорар и смотается за чужой счет в США – «искать завещание».

Артём фыркнул. Пацана жалко. Что ж, в следующей жизни повезет.

Он вышел из кабинета, запер дверь и спустился на улицу. Если пройти налево, то на углу будет хорошая кофейня. Если пройти направо, чуть подальше, то наткнешься на пивной ресторанчик.

Кофе больше не хотелось, и Артём пошел направо. На сегодня работы уже не предвиделось.

Россия – страна, для пива не приспособленная. Сколько бы раз ни пытались местные энтузиасты или зарубежные варяги сотворить достойную конкуренцию «Гиннессу» или «Будвайзеру» – кончается это ничем. В лучшем случае появляется пафосная и дорогая марка пива, которую принято пить в определенных кругах. Но, как правило, вполне достойное и интересное пиво выпускается в России не боль-

ше трех месяцев, после чего превращается в кислотоватый и одновременно безвкусный алкогольный напиток. Даже великий пивовар Артур Гиннесс, которому довелось реинкарнироваться в России, не смог эту тенденцию переломить. Первое время «Русский Гиннесс» и впрямь не уступал настоящему (злые языки говорили, что Виктор Розанов, русское воплощение Гиннесса, проходил Звезду Теслы семь раз, чтобы адвокаты выпытали все секреты пивоварения). Но все равно через полгода «Русский Гиннесс» стал обычным кислым темным пивом.

Владельцы пивного ресторана «Деньги на ветер» проблемы русского пивоварения прекрасно понимали. Но импортных сортов пива не держали принципиально, решая вопрос другим методом – частой сменой сортов. Ни одно пиво не держалось в ресторане больше двух-трех месяцев. Едва качество начинало падать, как поставки прекращались, а в ресторане появлялся новый брэнд.

Помимо этой разумной политики успеху пивной способствовало и удачное расположение – рядом с несколькими институтами, через дорогу от корпусов знаменитой Бауманки.

Артём спустился в подвальный зал – лестница была широкой и покатой, гуманной к перепившим пива посетителям. С любопытством посмотрел на стойку.

Его любимого «Золотого саранского» уже не было. Зато появилось «Симбирское праздничное» – плотное, но легкое. – Большую, – взглядом указывая на кран, сказал Артём.

Поискал глазами свободное место. Нижний зал в ресторане был демократичным, никаких официантов, пиво и легкую закуску полагалось брать у стойки самому. Артёму это даже нравилось... но низкие цены и раскрепощенная атмосфера привлекали сюда множество студентов.

Совсем свободных столиков не было. Артём отыскал взглядом столик на двоих, за которым сидел костлявый молодой парень в костюме и при галстуке. Студент, обмывает сданный или проваленный зачет?

Артём вопросительно кивнул на свободное место. Парень пожал плечами и чуть-чуть пододвинул к себе кружку, давая понять, что никого не ждет.

Расплатившись и взяв свое пиво, Артём присел напротив парня. Вблизи тот оказался постарше и посерьезнее, чем полагается московскому школяру. «Студенческий» вид ему придавала какая-то общая худоба и нескладность – у большинства мужчин это проходит вместе с подростковым возрастом, у некоторых остается на всю жизнь.

Скорее всего, аспирант или м.н. с, преподающий где-нибудь рядом технические дисциплины.

– Новое? – глядя на кружку, поинтересовался парень.

– «Симбирское праздничное», – Артём не любил таких вот случайных застольных знакомств, но парень, похоже, задавал вопрос из вежливости. – «Саранского» уже нет.

– Хорошее было пиво, – парень понимающе кивнул. – Одни сорта умирают, другие появляются. Как люди.

– Да? – пробуя пиво, сказал Артём.

– Я имею в виду – будто душа из пива уходит. И в другой сорт реинко... реинкарнирует.

Теперь Артём понял, что парень изрядно пьян. Тихо, интеллигентно, без всякой водки. Так надраться пивом – целое искусство... или, напротив, полнейшее неумение пить. И то, и другое – не лучшим образом характеризует человека.

И все же раздражения парень не вызывал. Скорее, любопытство. Может быть, играло свою роль приятное, располагающее выражение лица, может быть, та старательность, с которой парень боролся с опьянением.

– Где преподаете? – Артём решил сыграть ва-банк. – В Бауманке?

– В Бауманке, – парень фыркнул. – У меня на лбу написано – препод?

– Здесь бывает много студентов, но вы, пожалуй, старше и серьезнее. И сидите один, а студенты чаще приходят компаниями. Вид у вас... ну, как у завсегдатая. Костюм, галстук – одежда либо чиновника, либо преподавателя. Чиновник вряд ли станет с утра напиваться пивом, а вот преподаватель уже мог отчитать утреннюю лекцию. Бауманка здесь рядом, самый большой институт.

– Ничего себе дедукция... – тщательно выговаривая слова, произнес парень.

– Я частный детектив, – теперь Артём удивился собственным словам. Ладно бы, молодых девиц охмурять, а перед

парнем-то чего рисоваться?

– Ого, – с любопытством сказал парень. – Круто. Это всякие неверные жены и блудливые мужья?

Сущность профессии он обрисовал совершенно верно. И это Артёма задело.

– Не только. Я занимаюсь сыском в интересах реинкарнированных.

– Клады, наследства... – кивнул парень. Отставил кружку. Появилось ощущение, что он трезвеет на глазах. – Слушайте... меня вам Бог послал... нет, вас мне... Подождите, а? Не уходите!

Он быстро, хотя и несколько нетвердо отправился в сторону двери с мужским силуэтом.

Артём отхлебнул еще пива. Пиво и впрямь хорошее.

Это что получается – он уже докатился до поиска клиентов в пивных?

Достойная точка в неудачной карьере.

Будь пиво чуть-чуть похуже, Артём оставил бы кружку и поднялся в верхний зал. Или вообще ушел из ресторана.

Но пиво было вкусным...

Парень вернулся через пять минут. С мокрыми волосами и покрасневшими глазами, будто не просто холодной водой умылся, но и подержал голову под краном. Убедившись, что Артём никуда не ушел, взял у стойки двойной эспрессо и вернулся к столику.

– Иван Петренко, – руки он подавать не стал. – Извините,

я... немного пересидел. С открытия тут...

– Артём Камалов, – кивнул Артём.

– Вы действительно частный детектив?

– Показать лицензию?

Иван нервно засмеялся.

– Извините... неожиданно так. Я сидел и думал, что мне нужно найти частного детектива. И тут подходите вы, с этими шерлок-холмсовскими штучками...

– Честное слово, не знал, что вы нуждаетесь в детективе, – серьезно сказал Артём.

Парень провел ладонью по лицу, взялся за подбородок. Подумал несколько секунд. Покачал головой.

– Верю. До мании преследования я еще не докатился. Мне действительно нужна ваша помощь... Нет, вы пейте пиво, пожалуйста, я не собираюсь никуда вас тащить, я вам просто расскажу свою ситуацию, а вы решайте, интересно вам или нет...

– Стоп! – Артём поднял руку. – Подождите минутку. Сейчас я не на работе. И все, что вы мне расскажете, вы мне расскажете как частному лицу. Понимаете? Я не буду связан никакими обязательствами. Вас это устраивает?

Петренко заколебался.

– Вы когда-нибудь имели дело с частным детективом? – уточнил Артём.

Парень покачал головой.

– Ситуация простая. Я обязан хранить вашу информацию

втайне, если вы меня наняли. Разумеется, кроме случаев явного нарушения закона. Тогда вам стоит...

– Нет-нет, ничего подобного! – бурно запротестовал Петренко.

– Хорошо. Тогда поступим так. Вы даете мне в задаток один рубль и становитесь моим клиентом. Я выслушиваю ваш рассказ, и мы либо заключаем письменный контракт, либо я отказываюсь от дальнейшей работы. В любом случае на сторону информация не уйдет.

Петренко усмехнулся. Он и впрямь очень быстро трезвел.

– Спасибо за консультацию. Давайте я вам поставлю кружку пива? Как раз рубль стоит.

Артём кивнул.

Достойное продолжение утрешнего конфуза. Получить за консультацию кружку пива. А сплясать за рюмку водки не слабо, господин бывший следователь по особо важным делам?

Но идти в офис не хотелось: клиент из парня никакой, дело явно выеденного яйца не стоит. В то же время требовать с молодого преподавателя нормальную сумму за пустяковую консультацию – стыдно.

Лучше уж выслушать парня за кружкой пива. Какова проблема, таков и гонорар.

Вернулся Петренко – с кружкой пива и тарелочкой с фишашками. Сел напротив. Артём заметил, что его секундная решимость уже куда-то улетучилась – вполне обычное дело.

– Теперь вы мой клиент, – серьезно сказал Артём. – Я вас слушаю.

Петренко кивнул и неуверенно произнес:

– Я вот подумал... если вы решите взяться за мое дело: я всего два года как преподаю, капиталов не нажил. Вряд ли смогу предложить вам достойную оплату.

– Расскажите вначале, в чем ваша проблема, – предложил Артём. – Возможно, хватит одной кружки пива и одного совета.

– Нет, так легко я не отделаюсь... – Петренко неловко улыбнулся. – Хорошо. Это связано с предыдущей инкарнацией...

– Давайте, я догадаюсь? – предложил Артём. – Вы повели своего ребенка на проверку...

Петренко удивленно посмотрел на него:

– Ребенка? Нет, что вы! У нас пока нет детей, мы собираемся, но... Дело в моей предыдущей инкарнации.

Артём сконфуженно замолчал. Надо было подумать, прежде чем говорить: парню двадцать четыре, может, двадцать пять, не больше. Звезду Теслы не рекомендуется проходить раньше девяти лет. Когда бы он успел завести и вырастить ребенка?

Впрочем, Иван не стал заострять внимание на его оплошности.

– Я не проходил обследование в детстве. Родители предлагали, я отказался...

– Почему? – любопытствовал Артём. – Ваше вероисповедание?

– Нет. Я атеист... извините. Вы же понимаете, реинкарнация никоим образом не доказывает существование Бога.

– Тогда почему? – теперь уже Артём заинтересовался всерьез. – Знание того, кем вы были в прошлой жизни – огромная сила. Вы можете избежать ошибок, к которым предрасположена ваша душа, не ошибиться при выборе профессии, добиться больших успехов в этой жизни. В конце концов, вас может ожидать неожиданное наследство!

– Я понимаю, – Иван кивнул. – Возможно, вам это покажется странным, но мне всегда было жалко свое предыдущее воплощение. Представьте: вы умерли, а вас вдруг на краткий миг возвращают к жизни какие-то незнакомые, чужие люди. И начинают допрашивать: кем был, что успел... Никакой возможности не ответить...

– Ну почему же, – буркнул Артём. – Отказаться от ответа и впрямь нельзя, но нередки случаи, когда деинкарнированные... э... скажем так, темнят. Отвечают уклончиво, тянут время. Особенно, если они умерли недавно и знают все ограничения на использование Звезды.

– Да-да, – Петренко одним глотком выпил кофе. – Я понимаю. Но ничего поделать с собой не могу. Знаете, это, наверное, как с психоанализом. Кто-то легко идет на прием и рассказывает про свои сексуальные фантазии и детские обиды. А кто-то никогда на это не согласится.

Артём кивнул.

– Сейчас я работаю на кафедре низко– и высокочастотных колебаний, – продолжил Петренко. – Вы ведь понимаете, устройство Звезды Теслы – секрет Полишинеля. Опытный радиолюбитель спаяет ее за полдня из самых обычных деталей. А у нас есть макет для обучения студентов... ну, какой это макет, – если честно, вполне работоспособный генератор, только ограничитель мощности поставлен.

– Вы сами себя... – начал Артём. – Стоп! Но вы же не могли оставаться в сознании!

– Я и не оставался. Долго все обдумывал, а вчера вечером смонтировал простейшую цепь. Звезда Теслы запускалась ровно на десять минут. Одновременно включался диктофон. Вначале на воспроизведение – я кратко объяснил своему предыдущему воплощению, что происходит. Потом попросил его рассказать то, что он сочтет нужным. А потом таймер отключил бы Звезду.

Артём молча смотрел на Петренко.

– Труднее всего было сделать себе укол успокоительно-го, – сказал Петренко. – С детства боюсь уколов... Вы меня считаете идиотом?

– Нет, – осторожно подбирая слова, сказал Артём. – Но экстравагантным человеком – без сомнения. Я понимаю, в сталинские времена... Никому не хотелось оказаться инкарнацией немецкого генерала и до полного сумасшествия рассказывать в НКВД давно устаревшие военные секреты. Но

сейчас чего бояться?.. А если бы таймер отказал? Если бы вы впали в кому? Это случается!

Петренко жалобно улыбнулся:

– Наверное, я и впрямь немного псих.

– Ладно, все кончилось хорошо, – кивнул Артём. – Итак?..

– Я заснул. Потом очнулся. Таймер сработал прекрасно.

Я даже не сразу включил диктофон. Сварил кофе, выпил анальгина – голова болела ужасно. Потом... потом прослушал запись.

Петренко внезапно замолчал. Артём терпеливо ждал.

– Вам надо это услышать самому, – сказал Петренко. – А то и вы сочтете меня психом.

– Запись у вас с собой?

– Нет, я ее сразу же спрятал. Если вы согласитесь...

Артём колебался несколько секунд. История была слишком фантастическая, чтобы отнести к ней всерьез.

Но никаких дел у него не было. А детектив, отказывающийся от слишком необычных дел, зря ест свой хлеб.

– Пойдемте, – сказал он, отодвигая недопитую кружку. Если уж предстояло работать, то пиво будет лишним. – Вы меня заинтриговали.

Петренко просиял.

– Спасибо. Мне надо было еще с кем-то поделиться, а впутывать... – он внезапно замолчал.

Артём сделал вид, что не заметил запинки. Петренко считает информацию опасной? Что ж, люди склонны переоце-

нивать важность своей персоны и своих тайн.

Вслед за Иваном он поднялся по лестнице. Петренко на миг задержался в дверях, оглядывая себя в зеркале. Поправил галстук, распахнул дверь. И остановился на пороге.

– Я вам сейчас покажу... – услышал Артём.

Но показать Иван ничего не успел.

Хлопнуло – или, скорее, чмокнуло. Петренко пошатнулся, сделал шаг назад, наваливаясь на Артёма. Чмокнуло снова – приглушенно, не громче, чем в первый раз. Артём почувствовал, как вздрогнуло тело преподавателя, когда в него попала вторая пуля.

– Ложись! – закричал он, падая на ступеньки и сдергивая за собой Петренко. Впрочем, этого уже не требовалось – молодой человек оседал сам по себе. Тяжело сполз вдоль стенки, прижимая Артёма к лестнице.

Над головой просвистело еще две пули. И никакого звука выстрелов. Глушитель никак не умирал – в отличие от преподавателя физики.

Распахнулась дверь в верхний зал. Артём увидел накрытые клетчатыми скатертями столики, медленно поворачивающихся посетителей, жующие по инерции рты... Официант в дверях тарасился на Петренко, глаза его медленно дурели, наполняясь слепым ужасом, вежливо-услужливая улыбка превращалась в карикатурную гримасу.

– Вызовите полицию! – закричал Артём. – Полицию!

Пуля ударила в наличник, выбивая желтую щепу. Офици-

ант исчез – то ли и впрямь кинулся к телефону, то ли грохнулся в обморок.

Артём решил не надеяться на первое.

Подхватив Петренко под мышки, он пополз вниз по лестнице, прикрываясь подрагивающим в судорогах телом. Подпружиненная дверь в верхний зал медленно закрылась. А вот дверь на улицу – еще нет, хороший гидравлический доводчик закрывал ее медленно и плавно. Стрелявшему достаточно было сделать несколько шагов, заглянуть в маленький вестибюль – и Артём вместе с Петренко оказались бы под прицелом.

Но убийца не решился войти. Побоялся, что его увидят посетители верхнего зала?

Артём дополз до самого низа лестницы. Руки были в крови, Иван тяжело и часто дышал, но даже не стонал. Артём несколько раз ударил ногой дверь нижнего зала, но та не открылась. Ручка... надо потянуть за ручку. Пожалуй, уже можно встать...

Но Артём лежал, пока дверь, ведущая на улицу, не хлопнула – гулко и разочарованно, будто закрылась пасть упустившего добычу зверя.

Из дверей нижнего зала доносилась слабая музыка. Там, видно, никто и не заподозрил трагедии.

Артём привстал, наклонился над Петренко. Тот смотрел удивленно и уже успокоенно; так смотрят только здоровые и сильные люди, к которым неожиданно пришла смерть. Пи-

джак был пробит в двух местах, рубашка вся пропиталась кровью. Но почему-то больше всего Артёма поразил галстук, пробитый пулей посередине – это выглядело изыском модельера, решившего эпатировать публику, а вовсе не смертельным попаданием.

– Кто это был? – крикнул Артём. – Кто стрелял?

– Зачем я... сказал... что буду тут... – изо рта Петренко пошла кровавая пена.

– Имя! Имя скажи! – повторил Артём. – Иван, скажи имя!

Ну почему в девяти случаях из десяти умирающие тратят силы на какие-то нелепые объяснения и оправдания – вместо того, чтобы назвать одно-единственное имя?

Глаза Петренко закрылись. Он резко отяжелел: так всегда бывает, когда душа, поднимающая человека к небесам, покидает тело.

Артём медленно опустил голову физика на покрытый ковром пол. Встал в полный рост, медленно поднялся по лестнице. Вошел в верхний зал.

Перемены произошли разительные. Посетители толпились в дальнем углу. Несколько мужчин, включая выглядывавшего на лестницу официанта, стояли у дверей – с ножами и палками. Наиболее восхитительно выглядела швабра в руках солидного мужчины в дорогом костюме, вряд ли в последние годы поднимавшего что-то тяжелее авторучки.

– Полицию вызвали? – спросил Артём.

На него смотрели с ужасом и подозрением. Наконец офи-

циант кивнул и пробормотал:

– Я вызвал... приедут...

– Где здесь можно умыться? – спросил Артём. – Я весь в крови. Не выходите пока из зала. Внизу убитый человек.

Какая-то женщина пронзительно закричала и рухнула на пол.

2

За три года кабинет ничуть не изменился. Тот же портрет того же президента на стене (пошел на второй срок), маленькая трещина в уголке оконного стекла (один не в меру резвый подозреваемый никак не мог поверить, что стекло небьющееся), даже компьютер на столе – старый (три года назад это было чудо техники, сейчас почти антикварный хлам). И письменный стол – тот самый... до Артёма за ним сидел Андрей Лопухин по прозвищу Хапа, следовательно старательный, но не гениальный. Нет, не гениальный... как и Артём.

Теперь на этом месте сидел Денис Крылов, ведущий следователь МУРа по «убойным» делам. Артём обживал кресло подследственного. Хотя какое это кресло, название одно. Намертво прикрученное к полу и удивительно неудобное.

– Сигарету? – спросил Денис. Высокий, широкоплечий, он выглядел так, как и должен выглядеть следователь по особо важным делам – надежно и успокаивающе.

– Давай, – миролюбиво сказал Артём. Дениса он знал лет пять. Когда-то Крылов был в его группе: не прирожденный следователь, в прошлой жизни – кондитер из Шанхая. Но талантливый.

Бесспорно талантливый. За счет упрямства.

А настоящего неуловимого маньяка, наподобие Мокреца,

в последние годы не появлялось. Так что Крылов сидел в своем кресле крепко.

Денис перебрал ему через стол пачку «Космоса». Артём достал сигарету, мрачно глядя на предупреждающую надпись: «Курение приближает вас к следующей инкарнации!»

– Как ты с ним познакомился? – небрежно спросил Денис.

– За кружкой пива, – ответил Артём, закуривая.

– Что же так... с утра начинаешь? – в голосе Дениса слышалось искреннее до правдоподобия сочувствие.

– Утром у меня были клиенты, – сказал Артём. – Семья Туванских. Гиблое дело. Прежняя инкарнация оставила мальцу наследство. Большое, но давно и в Штатах. Родственники, ясен пень, завещание уничтожили.

– Гиблое дело, – согласился Денис.

– Поговорил с ними и расстроился. Они явно решили бороться до последнего и довести сына до психушки. Хотел развеяться. Пошел в пивную. Я там часто бываю, это легко проверяется.

Денис с улыбкой покивал.

– Тут и познакомился, – продолжил Артём. – Парень был изрядно навеселе, но я это не сразу понял. Слово за слово, представились друг другу. Когда он услышал, что я частный детектив – сразу протрезвел. Сходил умылся, выпил кофе. И рассказал, что у него проблема...

– Тут поподробнее, – сказал Денис.

– Он не проходил Звезду Теслы в детстве. Вроде как ему

было неприятно, что прежнюю инкарнацию станут допрашивать чужие люди... Кстати, это несложно проверить. Но поскольку парень преподавал в Бауманке, а у них там есть Звезда в качестве наглядного пособия, он решил провести эксперимент. Соорудил таймер, поставил диктофон, сам себе вколол успокоительное...

– Это точно? – спросил Денис.

– Так он рассказал... Словом, расспросил сам себя. Запустил диктофон вначале на воспроизведение, потом на запись. Что-то там ему предыдущая инкарнация наговорила...

– Что именно?

– Не знаю. Он не уточнял. Сказал, что запись где-то спрятал, и предложил мне прослушать ее. Я согласился. Стали подниматься, но нас там ждали...

– Ждали?

– Ждал, ждали... – Артём пожал плечами. – Не видел я, кто стрелял. Я еще стоял на лестнице, и он мне загораживал весь обзор. Петренко только успел сказать: «Я вам сейчас покажу...» – и раздался выстрел... Собственно говоря, выстрела я даже не услышал, пистолет был с глушителем. Иван начал на меня сползать, я упал на лестницу, стянул его за собой. Но было поздно, в него всадили две пули.

– Три, – меланхолично поправил Денис. – Что потом?

– Убийца не решился войти в здание. Когда дверь захлопнулась, я встал и попытался расспросить Петренко, но он уже умирал. Только и произнес: «Я сказал, что буду тут...»

– Имя назвать не успел, – улыбнулся Денис.

– Не успел.

– Как неудачно... – Денис встал, прошелся по кабинету.

Остановился у окна, спиной к Артёму, заложил руки назад. –

И что ты по этому поводу думаешь... Пинкертон?

Хорошо он это сказал. Четко, ясно. Даже на слух прозвучало с заглавной буквы: не эпитет, а имя.

– Дать бы тебе в репу, – мечтательно сказал Артём.

Денис резко повернулся. Процедил:

– А попробуй! Нападение на лицо, находящееся при исполнении...

– Использование служебной информации в личных целях... – ответил Артём.

Денис мгновенно расслабился.

– Да ты чего, Артём? Досье я твое смотрел, уж извини. Так положено. Но это все между нами. И чего тебе, собственно говоря, стыдиться? Прежней инкарнации? Так очень достойная личность, можно сказать – легендарная...

– Кем я был в прошлой жизни – исключительно мое дело, – сказал Артём. – Хоть Аланом Пинкертоном, хоть Джеком-Потрошителем.

– Положим, во втором случае тебя бы в полицию не взяли, – улыбнулся Денис. – Сам понимаешь, предрасположенность... Н-да. Я действительно не хотел тебя обидеть. Был очень удивлен, конечно.

Он вернулся за стол, тяжело опустил руки на клавиатуру.

Вызвал какой-то файл.

Артём молчал. Ждал.

– Странно выглядит, признаешь? – не глядя на Артёма, спросил Денис. – Бывший следователь по особо важным делам, ныне – частный сыщик, знакомится с человеком. Того через полчаса убивают.

– Хочешь сказать, что я замешан в убийстве?

– Нет, – с легким сожалением признался Денис. – Но думаю, ты что-то скрываешь.

– Я познакомился с Петренко сегодня утром, – сказал Артём. – Он не сообщил мне ничего конкретного.

– Кто был его инкарнацией, что именно ему сказали, где спрятана запись, кто стрелял...

– Ничего.

Денис молчал. Артём без спроса взял еще сигарету из пачки, закурил. Устало сказал:

– Денис, я прекрасно понимаю и твое, и свое положение. Все значащие факты я тебе изложил. Ты можешь продержать меня еще сутки, это ничего не изменит. Но после этого я подам в суд заявление, что ты на почве давних неприязненных отношений...

– Что за чушь! – рявкнул Денис. – Какие еще неприязненные отношения?

– Вот и я думаю – какие? – задумчиво сказал Артём.

Денис замолчал. Развел руками:

– Извини... за Пинкертон. Не удержался. У нас тяжелый

месяц, Артём. За две недели – четыре убийства.

– Что-то сложное? – насторожился Артём.

– Нет, бытовуха... А вот теперь – и впрямь сложное. Стрелявшего никто не видел. Собака след не взяла. Гильз нет. Видимо, стреляли из револьвера. Никаких зацепок. И вдру – ты на месте преступления. Можно сказать, единственный свидетель...

– Совет хочешь? – спросил Артём.

– Ну? – Денис приподнял голову.

– Убийца не бывал в пивнушке... или не часто бывал. Дверь в верхний зал на пружине, стекло в ней матовое. Он спокойно мог дойти до лестницы, сделать контрольный выстрел в Петренко, расстрелять меня. Но убийца боялся, что его увидят из зала, и не переступил через порог. А ведь несколько раз стрелял вдогонку, пытался подстрелить и меня.

Денис подумал секунду, кивнул. Но все же буркнул:

– Может быть, просто невнимательный... Или не выносит вида крови, дело обычное.

– Расстрелять человека в упор, потом стрелять в официанта – и паниковать при виде крови? Сомневаюсь. И еще... Было две фразы, вначале я не придал им значения. Первая – «а то и вы сочтете меня сумасшедшим...» Вторая – «мне надо было еще с кем-то поделиться...» Петренко кому-то рассказал про свой эксперимент. Но ему не поверили, а скорее, сделали вид, что не верят. Надо искать в самом ближнем окру-

жении. Жена, друзья, коллеги.

– Искать всегда надо в ближнем окружении, – поморщился Денис. – Но спасибо. Чего сразу не сказал?

– В заявлении все есть, – Артём кивнул на лежащие перед Денисом бумаги.

– Диктофонную запись надо искать, – пробормотал Денис. – Вот где ответ...

Артём покачал головой:

– Боюсь, что запись не найти.

– Почему?

– А ты подумай сам. Из-за нее убили. Но какой смысл убивать человека, если важная для убийцы информация остается доступной для следствия? На месте убийцы я бы вначале изъял носитель... что там, кассета?

– Флэшка, диктофон электронный, – Денис помрачнел. – Выпытал, да?

– Брось, Денис. Понятно, что вы сразу бросились к нему домой.

– На работу. В лаборатории нашли Звезду Теслы, приведенную в рабочее состояние... ему всего-то одну цепь пришлось закоротить. В мусорном ведре – вскрытая ампула реланиума, шприц. На столе – электронный диктофон, программируемый, его можно подключать как автоответчик.

– Ну конечно, чтобы вначале воспроизвел речь, потом включился на запись.

– Диктофон в порядке. Но флэш-карты в нем нет.

– Когда ее могли изъять? И кто?

– Да кто и когда угодно, это университет, а не банк. Вход свободный... Возможно, Петренко сам ее вытащил и припрятал.

– Что же там было? Клад? Наследство? – Денис испытующе поглядел на Артёма. – Узнал, что ему полагается наследство, полученное кем-то другим. Позвонил человеку, потребовал вернуть деньги. Тот обозвал Петренко психом. Парень пошел заливать горе выпивкой, а наследничек почесал в затылке и решил обезопасить себя.

– Тоже версия, – вежливо согласился Артём. – Но извини, мне теперь за версии деньги не платят.

– Все на деньги меряешь, сыщик? – Денис достал и подписал бланк, протянул Артёму. – Вот разрешение на выход, иди.

Артём кивнул, пошел к дверям, чувствуя на себе взгляд. Вопрос догнал его на пороге:

– Больше ничего сказать не хочешь?

– Денис, легко ли убить человека? – спросил Артём, не оборачиваясь.

– Физически?

– Нет. Морально. Находясь в трезвом уме, осознанно и расчетливо. Убить, зная, что душа бессмертна. Что через десяток лет жертва может рассказать о тебе?

Денис молчал.

– Вот об этом подумай, – ехидно сказал Артём. И, не удержавшись,

жавшись, добавил: – Это тебе не леденцы на палочке...

Крылов вскочил, грохнув стулом. Но Артём уже вышел и закрыл за собой дверь. Гнаться за ним по коридору и устраивать сцену Денис не решится. Забавно, должно быть, подколоть бывшего начальника, в прошлой жизни – легендарного сыщика, в этой – уволенного за несоответствие должности. Но очень, очень стыдно признать перед коллегами, что твоя прежняя инкарнация лепила сладкие рисовые пирожки и рисовала кремовые розочки на тортах.

Почти всех сотрудников Артём помнил, да и его не забыли. Нина Васильевна, дежурившая на проходной, даже привстала со стула.

– Артём! Какими судьбами... решил вернуться?

Пожалуй, эта немолодая женщина, почему-то всегда относившаяся к Артёму с нежностью, и впрямь была бы рада его возвращению в МУР.

– Я здесь в качестве важного свидетеля, Нина Васильевна, – Артём протянул ей подписанный Крыловым пропуск. – При мне сегодня парня убили.

– Преподавателя? – Нина Васильевна всплеснула руками. – Молодой, да?

Артём молча кивнул.

– Вот горе-то... Есть же на свете изверги, чтоб им в тлю воплотиться... – разговор ничуть не мешал Нине Васильевне бдительно проверить пропуск, глянуть на паспорт и сделать

запись в журнале. – Застрелили, да? Кто убийца?

– Не видел я его. Сам чуть пулю не поймал.

Нина Васильевна наколола пропуск на тонкий штык от трехлинейки, вделанный в деревянную подставку. Начальство на мелкие вольности вахтеров смотрело сквозь пальцы.

– Возвращался бы, Артём, – сказала она. – Ты же сыщик прирожденный...

Артём подозрительно посмотрел на женщину. Но та, похоже, ничего особого в виду не имела.

– Я гордый, Нина Васильевна. С должности меня за дело сняли. А штаны просиживать на бумажной работе – это не мое.

Нина Васильевна вздохнула. Пробурчала под нос:

– Гордый... Все мы гордые, только через обиды не переступать – самому себе карму портить.

Артём смолчал. Нина Васильевна была буддисткой и вопреки всем выкладкам статистиков верила, что очередное воплощение зависит от поведения человека. Порой Артёму казалось, что она верит и в полнейшую чушь о воплощении особо нехороших людей в животных.

– Подумаю, – дипломатично сказал он. – Что у нас нового-то?

– Да все по-старому, – Нина Васильевна махнула рукой. – Крылов землю роет, старается, только настоящих дел ему не потянуть, ох, не потянуть... Нас и раньше-то не особо жаловали, а сейчас совсем в угол загнали. Знаешь, как «убойный»

отдел теперь в МУРе зовут? «Вырезвитель»!

– Это с какой стати? – Артёма кольнула невольная обида.

– А кто наша клиентура? Напился человек, шархнул по дури соседа табуреткой, проспался – пришел каяться.

В голосе Нины Васильевны прозвучала тихая обида, будто она была недовольна столь высокой сознательностью преступников.

Артём покивал, еще с минуту послушал ее сетования – и вышел из здания бывшего «убойного» отдела. Во внутреннем дворике было тихо и сонно. Незнакомый шофер возился с разъездной легковушкой, стоящей с открытым капотом. В будочке на выходе скучал охранник – вроде бы тоже незнакомый. Здесь пропуск показывать уже не требовалось. Артём прошел мимо, на всякий случай кивнув охраннику. Тот кивнул в ответ.

Старое двухэтажное здание пряталось во дворах рядом с главным зданием МУРа, будто стесняясь своего предназначения. Рядом шла настоящая жизнь и настоящая работа. Ловили домушников и карманников, взяточников и наркоторговцев, сутенеров и шантажистов. Получали за это медали и ордена, премии и ценные подарки. Выступали в телепередачах и давали интервью.

Отдел по расследованию особо опасных преступлений, он же – «убойный», он же – «вырезвитель», никогда не пользовался ни любовью начальства, ни вниманием прессы. Кому хочется лишний раз вспоминать, что люди порой убива-

ют друг друга? Все это грязь, мусор, отвратительная изнанка бытия. Можно почитать на досуге старенькие детективы, пощекотать себе нервы преступлениями профессора Мориарти. Можно ужасаться судьбой солдат мировой, уже понимавших, что стреляют-то они, по сути, в своих отцов и матерей, что колесо реинкарнаций не знает государственных границ, не отличает православного от мусульманина, но вынужденных воевать друг с другом. Можно, если совсем уж нервы крепкие, читать ужастики Стивена Кинга, где в каждом романе кого-нибудь убивают, а порой счет жертвам и за десяток переваливает.

Но это все – беллетристика и мемуары. В начале двадцать первого века живут иначе. Во всяком случае, в цивилизованном мире.

– «Вытрезвитель», – с чувством произнес Артём. – Хе...

Он достал сигареты. Огляделся. Казалось, сейчас выйдет сержантик, козырнет, скажет: «Господин следователь, машина готова...»

Машина рядом была одна. Синенький «жигуль» под старыми тополями. Стоял он тут недавно – пуха налетело совсем немного. Молодая женщина за рулем пристально смотрела на Артёма. Поймала его взгляд, решительно выбралась из машины, громко хлопнув дверцей. Подошла.

– Господин Камалов?

Прежде чем ответить, Артём несколько секунд изучающе разглядывал незнакомку. Миниатюрная, хорошенькая, с ру-

сой косой, в легком сарафане и босоножках. Ощущение, что из дома вышла второпях – ни малейших следов косметики на лице. Впрочем, макияж ей пока и не требуется... разве что глубокие тени под глазами... никогда женщина не выйдет на улицу, не скрыв следы недавних слез...

В груди кольнуло. Он неожиданно понял, кто перед ним.

– Вы – жена Ивана? – спросил Артём.

И тут же сообразил, что сморозил глупость.

– Вдова, – тихо сказала женщина.

Голос у нее был очень приятный и чем-то знакомый. Но лицо не вызывало в памяти никаких ассоциаций. Может быть, из-за этих недавних слез?

– Простите, – Артём готов был провалиться сквозь землю. Хрестоматийная этическая ошибка, сам напоминал молодым: «У мертвых не бывает жен и мужей».

– Ничего. Я понимаю. Я сама никак... А вы действительно детектив.

Артём неловко пожал плечами. Ну откуда у него эта страсть к показухе? Не Шерлоком Холмсом все-таки был в прошлой жизни, а Пинкертоном.

– Меня зовут Таня Демина, – она протянула руку. – Мы жили в гражданском браке... наверное, теперь мне уже не позволят взять его фамилию?

– Наверное, нет, – Артём покачал головой. Пожал руку – церемонно целовать было бы уж совсем нелепо.

– Я глупости говорю... – она отвела глаза. – Но Ваня поче-

му-то всегда хотел этих формальностей. А я отшучивалась, мол, заведем ребенка – стану Петренко, а пока не заслужила... дура!

– Не надо себя винить, – Артём покачал головой. – Вы ни в чем не виноваты. Иван слишком рано ушел, но вы же знаете, мы не уходим бесследно... он вернется.

Лицо Тани дрогнуло:

– Не надо об этом. Кем он вернется? Маленький китайский мальчик скажет, что в прошлой жизни был русским физиком? И снова станет маленьким китайским мальчиком, теперь уже – насовсем? Лучше бы мы уходили навсегда... Я могу с вами поговорить?

– Да, конечно.

– Садитесь в машину, – Таня не предложила, скорее, велела. Что-то в ней было властное, как в госпоже Туванской, о таких говорят: «В прошлой жизни брюки носила». Но вот агрессивного, не рассуждающего напора не было. Может быть, из-за недавнего шока.

Артём послушно обошел машину, сел на переднее сиденье. Его «десятка» все равно осталась возле офиса.

Татьяна села за руль, включила мотор. Помедлила секунду:

– Я очень хочу есть. Меня здесь продержали пять часов и все время поили кофе.

– То же самое, только со мной разбирались семь часов.

Татьяна кивнула:

– Вы не сочтете меня сволочью, если мы поговорим в каком-нибудь кафе?

– Не сочту, – сказал Артём. – Если честно, я буду вам очень благодарен. Особенно, если в этом кафе можно выпить водки.

* * *

Здесь можно было и поесть, и выпить, и даже потанцевать – если бы настроение к тому располагало. Заведение называлось «Колесо» и относилось к популярным у среднего класса рестораничкам типа «заплати за вход и ешь, сколько хочешь». Основную прибыль здесь делали на спиртных и безалкогольных напитках – мало кто способен справиться с едой всухомятку.

Еду набирали с огромного, медленно вращающегося круглого стола в центре ресторанички. Артём заполнил два подноса – себе и Татьяне. Потом заказал в баре графинчик тминной водки. Татьяна тоже выпила рюмку – не чокаясь, прикрыв глаза, будто лекарство. Посидела секунду, думая о чем-то своем, и молча принялась за еду.

– Вы давно вместе? – спросил Артём, когда они утолили первый голод.

– Два года. Даже не знаю... наверное, это немного? Хотя как посмотреть...

Артём кивнул. Его брак не продержался и года.

– Татьяна, вы хотите, чтобы я рассказал про Ивана? О его последних минутах?

– Нет, – она энергично помотала головой. – То есть, да. Но не это главное. Ведь вы были следователем по особо тяжким? Расследовали убийства?

– Да.

– Я хочу вас нанять. Найдите убийцу.

Артём вздохнул. Почему-то все думают, будто частный детектив – это современный Шерлок Холмс, спасающий невинных девиц от злых опекунов или изобличающий коварных убийц.

– Татьяна, все не так просто. Ни один частный детектив не имеет права заниматься расследованием убийства.

– Почему?

– Убийство – особо тяжкое преступление. Только государство в лице сотрудников уголовного розыска вправе вести такие дела.

Татьяна закусила губу. Неохотно кивнула:

– Понимаю... Но... Скажите, Ивана убили из-за реинкарнации?

– Вы о чем?

– Он собирался провести эксперимент. Сам себя расспросить о своей прошлой жизни, – Татьяна посмотрела ему в глаза. – Иван рассказывал. А потом меня спрашивали об этом в полиции... и еще про диктофон, про флэш-карту...

Артём кивнул:

– Хорошо, слушайте. Я познакомился с Иваном в пивном ресторане...

На рассказ ушло не больше четверти часа. Татьяна умела слушать, и даже несколько заданных ею вопросов оказались вполне уместными. Мысленно Артём посадил ее в кресло Крылова – и остался доволен заменой.

– Понятно... – она кивнула. – Тогда, как я понимаю, все произошло из-за флэш-карты? Запись чем-то опасна для убийцы?

– Видимо, так, – согласился Артём.

– Я хочу вас нанять, – повторила Татьяна. – Найдите запись! Диктофон принадлежал Ивану, значит, и мне тоже. Я хочу получить назад свою вещь. Это законно?

– Законно, – неохотно признал Артём. Он понимал, что Татьяна придет к этому выводу. Лазейка в законе была. В законах всегда есть лазейки. – Но если мы обнаружим, что информация позволяет изобличить убийцу и важна для следствия...

– Мы тут же передадим запись в полицию, – кивнула Татьяна. – Я не сумасшедшая и не жажду крови. Если остаток этой жизни убийца проведет в тюрьме, меня это устроит.

Она замолчала. Артём молча налил ей еще рюмку.

– Я за рулем, – вяло запротестовала Татьяна. Но водку выпила.

– Можно попробовать, – сказал Артём. – Только извините, вначале у меня будет довольно обидный вопрос...

– У меня есть алиби, – просто ответила Татьяна. – Железобетонное. Такие всегда вызывают подозрения, да?

Артём пожал плечами.

– Я диктор, – сказала Татьяна. – Сейчас принято говорить «ведущая», а мне больше нравится «диктор». Диктор на «Русском радио». Каждые полчаса читаю новости. В тот момент, когда Ивана... когда Иван...

Она запнулась.

– Теперь я понял, почему мне знаком ваш голос, – Артём встал. – Пойдемте.

– Не хочу сейчас за руль, – запротестовала Татьяна. – Я далеко живу, на Речном...

– Я сам поведу. Если позволите.

Они вышли из зала, и уже в дверях Татьяна взяла Артёма за руку и тихо сказала:

– Мне не успели позвонить из полиции. Информация пришла раньше. И я ее прочитала! Вначале прочитала в эфир, а потом поняла... Артём, найдите убийцу!

Садясь за руль – Татьяна не спорила, – Артём все-таки задал еще один вопрос:

– Почему вы считаете, что я справлюсь лучше, чем сыщики из МУРа? Я – одиночка, у них – машины, техника, власть в конце концов!

Женщина молчала.

– Все-таки? – подбодрил ее Артём. – То, что я был рядом с Иваном?

– Вы не обидитесь?

– Постараюсь.

– Человек, который меня допрашивал, Крылов... он вначале все клонил к тому, что я сама замешана... а потом, когда разобрался...

– Ну? – Артём уже понял, что вопрос излишен.

– Он сказал, что тогда проверит хорошенько вас... что давно пора присмотреться к этой... этой инкарнации Пинкертон. А я с детства любила детективы, я только не думала, что Пинкертон был живым человеком. Извините...

Артём долго молчал. Потом притормозил на миг, хлопнул руками по рулю и выдохнул:

– Кондитер!

Казалось бы, что за прок человеку от предыдущей инкарнации?

Принято спрашивать, в чем твое прежнее воплощение добивалось успеха, а в чем, напротив, терпело неудачи. Принято строить свою жизнь, исходя из полученных советов.

Но по сути, по сути-то, что изменится?

Будь ты хоть Наполеоном – это вовсе не гарантирует тебе воинской славы. Знаменитейшей (и позорнейшей) битвой новейшей истории, «Сражением при Нагасаки», руководил с американской стороны молодой, хотя и болезненный адмирал Роберт Хайнлайн, инкарнация маленького французского сержанта, а с японской – генерал Тодзе, воплощение ве-

ликого Тоетоми Хидэеси. И что же? Обе стороны допустили такое количество стратегических и тактических ошибок, что только вмешательство Советского Союза под руководством маршала Жукова (инкарнация идеологически правильного уральского рабочего Ваньки Косого) помогло закончить тихоокеанский конфликт.

Есть, конечно, примеры и обратного рода. Прославленный Дали, как известно, был инкарнацией Ван Гога. Компьютерный гений Билл Гейтс в прошлой жизни носил имя Фурье. Воплощением младшего из братьев Люмьер, Луи-Жана, стал режиссер Квентин Тарантино, прославившийся на весь мир своими нежными, лирическими комедиями. Сказочницу Астрид Линдгрэн звали когда-то Гансом Христианом Андерсеном.

Но, если отталкиваться от теории относительности Эйнштейна (упрямо отказавшегося проходить Звезду Теслы), совпадения подобного рода неизбежны. Как говорил старый безбожник Бернард Шоу: «К началу цепи инкарнаций всегда прикована обезьяна».

И что остается?

Помимо возможного наследства?

Если повезет – щекочет легонько самолюбие громкая слава, заработанная в прошлой жизни. Щекочет... и давит. Так младший сын в знаменитой семье, не наделенный талантами родителей и старших братьев, всю жизнь пытается «соответствовать», мечется из стороны в сторону... и ловит на себе

снисходительно-жалостливые взгляды.

В психологии это явление давным-давно получило название «синдром неадекватной инкарнации», послужило поводом к написанию нескольких сотен диссертаций и выпуску нескольких учебников и методичек для детских психологов.

Артём считал, что к своей прежней личности относится адекватно. Нет, во многом она определила выбор его жизненного пути (несмотря на совет Пинкертона стать актером, потому что «только свинья дважды лезет в одну грязь»).

Но особой поддержки от предыдущего воплощения Артём не ждал. И уж тем более не хвастался, даже в детстве. Помимо нескольких государственных чиновников из ЗАГСа, руководства министерства (увы, но в правоохранительных органах ответственным работникам положено сообщать о своей прошлой инкарнации), родителей и бывшей жены, его тайну не знал никто.

Ну, как теперь выясняется, знал еще и Крылов. И мало того, что знал – счел возможным распускать язык перед посторонними!

– Он вроде бы просто так сказал, в шутку, – неуверенно произнесла Татьяна. – Но вы поймите, я такие вещи чувствую. Это не шутка была. Вы и вправду инкарнация Ната Пинкертона?

– Его звали Алан, – ответил Артём. – Нат Пинкертон – книжный персонаж.

– Извините...

– Его звали Алан, – повторил Артём. – Его. Понимаете? Это не я! Алан Пинкертон и впрямь был величайшим детективом. Но во мне от него нет ничего!

– Душа, – убежденно сказала Татьяна.

– Душа, – кивнул Артём. – Это ничего не значит, вы же понимаете... Почему Иван так долго не проходил проверку на Звезде?

– Он вам не сказал?

– Сказал, что его смущает допрос прежнего воплощения чужими, незнакомыми людьми. Я не поверил. Почему он отказывался на самом деле?

– Боялся, – Татьяна полезла в бардачок, достала сигареты. Закурила. – У него были страхи... детские совсем... что в прошлой жизни он был убийцей, злодеем, военным преступником.

– Ну и что? Даже Сталин сказал: «Инкарнации друг за друга не отвечают!»

– Ага, сказал, – фыркнула Татьяна. – И сослал в лагеря тех, кто в прошлой жизни угнетал рабочий класс.

– Сейчас другое время.

– Время другое, а страхи всегда одни и те же... Мы поедем или будем стоять?

– Поедем, – Артём кивнул. – Я немного вышел из себя. Знаете, как в таких случаях говорят японцы? В нем пробудилось прежнее воплощение... Таня, я отвезу вас домой.

– Зачем? – возмутилась Татьяна. – Думаете, я сейчас

усну?

– Нет, – жестко ответил Артём. – Думаю, вы сейчас будете перебирать фотографии и вещи мужа. Плакать. Пить. Думать о тех неизбежных формальностях, что на вас сейчас навалются... Но одной вам оставаться не надо. У вас есть хорошая подруга? Которая сможет приехать и провести с вами ночь?

– Есть, – ответила Татьяна, помолчав.

– Позвоните ей прямо сейчас. Если надо, мы за ней заедем.

– Я думала, мы... – она смешалась, – начнем прямо сейчас что-то расследовать.

Артём хмыкнул.

Больше ничего сказано не было, но Татьяна послушно полезла в сумочку, достала мобильник, набрала номер, быстро и приглушенно заговорила. Артём не слушал, смотрел на дорогу, думал.

«Я сейчас покажу вам...»

Вот что не давало ему покоя. Спокойная фраза – и выстрел. Нет, не сам выстрел. Попадание. Не про убийцу же, стоящего с пистолетом в руках, говорил Иван! Не про флэшку от диктофона – что ее показывать, да и не нашли на теле флэшки!

Я покажу вам... что?

– Заезжать не надо, – сказала Татьяна, закрывая телефон. – Подруга живет рядом, сама подойдет.

– Расскажите мне, о ком из коллег Ивана вы чаще всего слышали? Друзья, враги – неважно.

Татьяна помолчала, собираясь с мыслями. Артём вел машину. Третье кольцо было на удивление свободным, они уже приближались к Ленинградке.

– Захар Киреев, – сказала Таня. – Его все зовут Киря. Они вместе учились, вместе работают... работали на факультете. Хороший друг Ивана. Он... нет, никогда!

– Вы просто перечисляйте, – мягко сказал Артём.

– Потом – Анатолий Давидович Ройбах. Заведующий факультетом электромагнитных колебаний и вычислительных систем, профессор. Еще молодой, ему и сорока нет. Иван над ним подсмеивался все время, уж больно Анатолий Давидович пытался соответствовать образу профессора – бороду носил, чуть ли не в седину красился... Но так... нормальный, приятный человек.

– Угу, – ободрил ее Артём.

– Сергей Светов, аспирант с кафедры вычислительной математики. Иван и над ним подтрунивал. Амбициозный и все пытается сделать себе реноме за счет соседних кафедр – на своей кого-либо трогать боится. Но вряд ли серьезные разногласия были, только поддевали друг друга при случае...

– Тоже замечательно, – сказал Артём.

– Профессор Петр Валентинович Агласов, заведует факультетом газодинамики. Ему за семьдесят, но он удивительный человек, энергичный, общительный. Иван, еще когда

студентом был, вел для него какие-то расчеты, эксперименты. Знаете, как обычно бывает? Студенты вкалывают, а профессор выпускает очередную монографию. Здесь все наоборот. Помог опубликоваться и в аспирантуру поступить – хотя и не его специальность...

– Хорошо, – поддержал Артём.

– Ну и заведующая кафедрой низко– и высокочастотных колебаний Карина Аслановна Данилян. Строгая такая женщина, знаете, бывают среди армянок эмансипированные по полной программе. Говорят, когда-то считалась хорошим ученым. Сейчас в основном занимается общественными делами. Но хорошо занимается. И никому не мешает делать науку.

– Так, – подбодрил Артём.

– Пожалуй, это все.

– Больше ни о ком Иван не рассказывал?

– Рассказывал, конечно. Но об этих пятерых чаще всего...

Вы будете искать убийцу среди них?

– Я просто хочу расспросить их про Ивана... Значит, серьезных врагов у него не было?

– Не нашёл, – спокойно ответила Татьяна. – Знаете, годам к тридцати в науке любой человек обрастает союзниками и недоброжелателями. Иван был человек неконфликтный, но никуда бы он не делся... Не успел.

До Фестивальной, где жила Татьяна, доехали молча.

3

Домой Артём попал к двенадцати, спать лег около часа. В восемь утра он стоял у дверей «Денег на ветер». Пивная только что открылась – к удовольствию немногих страждущих, которым требовалось пиво, и куда большего количества служащих, не успевших позавтракать дома.

Есть Артёму не хотелось совершенно, но позавтракать нужно. Он подождал, пока ранние посетители расселись за столиками (работал пока только верхний зал), вошел в вестибюль. Невольно посмотрел вниз, на лестницу, где вчера лежал рядом с умирающим Иваном.

Разумеется, все было вымыто и вычищено. И даже ковровую дорожку, прижатую к ступенькам медными прутьями, успели сменить.

Артём встал у двери, ведущей на улицу. Протянул руку, сильно толкнул дверь. Та плавно открылась – и замерла, распахнутая, пока отработывал доводчик.

– Я вам сейчас покажу... – пробормотал Артём, озираясь. Что покажу?

Своего будущего убийцу?

Флэш-карту?

Улица. Неширокая, почти всегда пустынная, машины по ней ходят редко. Невысокие, двух-трехэтажные домишки на другой стороне давно бы снесли, вот только представляют

какую-то историческую ценность.

И новый корпус Бауманки. Три верхних этажа виднеются над крышами и над кронами деревьев. Часть окон закрыта, часть открыта. Метров девятьсот... да нет, побольше. Километр.

Далеко. Из пистолета можно стрелять хоть до посинения.

Но кто сказал, что стреляли из пистолета?

– Я вам сейчас покажу, где работаю, – сказал Артём.

Кивнул – фраза прозвучала правильно. Так она и должна была прозвучать вчера в полдень. Но не успела. Из окна университета раздался выстрел, которого никто не услышал. И еще один. И еще. Петренко падал, а убийца ловил в прицел стоявшего рядом с ним человека – на всякий случай...

Артёму вдруг стало чудовищно неудобно. Будто на него снова упал холодный, умный, расчетливый взгляд человека, привыкшего и умеющего убивать людей...

Доводчик мягко закрыл дверь, и Артёма передернуло. Он постоял секунду, потом вошел в зал. Едва не наткнулся на давешнего официанта. Тот его узнал – еще бы не узнать! – и едва не выронил из рук поднос с кофе, горячими булочками и джемом.

– Мне то же самое плюс сосиски, – сказал Артём, проходя за ближайший свободный столик.

Официант принес завтрак минут через пять. Держался парень молодцом, многие бы на его месте уволились еще вчера – или с полным основанием затребовали больничный лист.

– Мои соболезнования, – расставляя перед Артёмом приборы, сказал официант. – Ваш друг... это ужасно.

Артём кивнул. Спросил:

– Вчера вы не заметили убийцу?

– Нет, – официант вздрогнул, но ответил уверенно. – Нет.

Выстрел, пуля рядом с головой попала... даже не посмотрел в сторону улицы. А вы?

– И я не посмотрел, – кивнул Артём. – Скажите, Иван часто сюда заходил?

– Нечасто, – официант не раздумывал, видимо, вчера его допросили как следует. – Но регулярно. По большей части вниз, но мы-то меняемся залами. Сидел долго, но выпивал всего-то пару кружек.

– Один приходил?

– Обычно с друзьями. Чаще всего с таким крепеньким, невысоким... – официант неуверенно развел руками, рисуя в воздухе кого-то, комплекцией напоминающего Карлсона. – Кирилл его зовут.

– Киря?

– Да, Киря.

Артём кивнул. Ничего неожиданного он не услышал, но...

– Спасибо, вы мне помогли.

– Вы... из полиции? – с легким сомнением спросил официант.

– Пять лет назад назначен начальником отдела особо тяжких преступлений МУРа, – честно сказал Артём. О том, что

три года назад он был снят с должности, Артём предпочел не распространяться.

Официант просиял:

– Как хорошо, что вы здесь! Вчера ваши товарищи просили позвонить, если что-то вспомню.

– Да? – Артём оживился.

– Вчера, когда он зашел, убитый-то, с самого утра, то сперва заглядывал в верхний зал. Я вначале значения не придал, а потом повспоминал получше. Он в дверь-то заглянул, на зал особо и не глядел, сразу в тот угол уставился.

Артём проследил взгляд официанта. Два столика, один пустой, за другим субтильная девушка ковыряла ложечкой пирожное.

– Там кто-то сидел?

– Нет, никого. А он, убитый, вроде как ожидал кого-то встретить. И когда никого не увидел, то сразу пошел вниз.

– Кто там обычно сидит? – спросил Артём.

– Разные люди. Место хорошее, у окон и в уголке, нешумное. Там многие стараются сесть.

Артём достал сигареты.

– Извините, здесь не курят, – вежливо сказал официант. – Хотя для вас...

– Нет, ничего. А там – курят?

– Да, у окна курящие места. Там вытяжка хорошая, дым никого не тревожит. Некурящие там не любят сидеть: со всех сторон дымят.

Артём снова посмотрел на девушку. Та справилась с половиной пирожного и теперь собиралась с силами: крутила в пальчиках сигарету, призывно поглядывая по сторонам.

– Знаете, вы все-таки позвоните в МУР, – сказал Артём. – Расскажите им, что вспомнили... Да, той девушке у окна явно нужен огонек!

Сосиски остыли, но все еще были вкусными. Артём позавтракал, рассеянно поглядывая по сторонам. Изможденная девица домучила пирожное, выкурила сигаретку и ушла. Компания студентов деловито смолола сосиски и яичницу, погоготала только им понятным шуточкам, удалилась. Поодиночке уходили клерки, рылись в меню случайные посетители. Иногда кто-то садился за те столики, которые вчера интересовали Петренко. Никто не походил на убийцу, явившегося на место преступления. Впрочем, убийцы, как правило, ничем не отличаются от нормальных людей. Даже наличием бессмертной, реинкарнирующей души.

Все-таки симпатичный молодой преподаватель Петренко был не так уж прост. Он пришел в «Деньги на ветер» не напиться, а поговорить. Что-то открылось ему в короткой диктофонной записи... что-то, требующее обсуждения.

Но человек на встречу не пришел. Предпочел сесть у окна и подождать, пока Петренко не выйдет из пивной. Потом прицелился из...

Из чего?

Артём вздохнул. Картина вырисовывалась совсем уж фан-

таσμαгорическая. Пистолет, револьвер – это оружие можно представить у гражданского лица. Сохранились со старых революционных времен наградные наганы, в армии и милиции есть табельные пистолеты, которые имеют обыкновение теряться. Существует, как с ним ни борись, подпольный рынок оружия. В общем, если человек хочет иметь револьвер или пистолет, то он его найдет. И порой такие стволы убивают.

Но на подобной дистанции речь может идти только о винтовке. А учитывая точность стрельбы – о винтовке с оптическим прицелом. Охотничье оружие такого типа тоже существует, но всерьез его даже рассматривать не стоит.

Снайперская винтовка. В руках убийцы, в центре Москвы!

На мгновение Артёму захотелось достать телефон и позвонить в МУР. Они там хоть исследовали пули? Убедились, что стреляли вовсе не из револьвера? Или старичок-эксперт Арсений Сергеевич, вот уже сорок лет работающий на отдел особо тяжких преступлений, только сегодня утром приковылял на работу? А весь вчерашний день отработывалась «револьверная версия»?

Желание позвонить угасло, прежде чем Артём достал телефон. В любом случае к обеду Крылов будет все знать точно. А попасть со своей идеей впросак и услышать в очередной раз про Пинкертонa Артёму не хотелось совершенно.

Хорошо. Примем за рабочую гипотезу снайперский вы-

стрел из здания Бауманки.

Винтовка с оптическим прицелом. Снайперская винтовка... Опытный стрелок: три пули подряд попали в Петренко. Так что же у него было? Полицейская снайперская винтовка? Вряд ли. Такую точность боя на таком расстоянии СВУ не даст никогда, вручи ее хоть Натаниэлю Бампо по прозвищу Соколиный Глаз.

Армейская СВД? Винтовка Драгунова – надежная, хорошая штука. Но на километровом расстоянии и от нее ждать чудес не приходится.

Какие-нибудь иностранные модели? Тут Артём мог только пускаться в догадки. У всех стран есть армии, поскольку рано или поздно люди начинают воевать, невзирая на реинкарнацию (честно говоря, порой она даже служит оправданием – враг не убит совсем, а всего лишь отправлен к следующему перерождению). У всех стран есть полиция, а в полиции – спецподразделения со снайперами, потому что рано или поздно появляются убийцы, которых не страшит неизбежность наказания.

Но про иностранное оружие Артём не знал практически ничего. Наверное, есть что-то очень дальнобойное и точное, позволяющее на километровой дистанции всаживать пули в сердце жертвы. Да и у российских спецподразделений найдутся хитрые вооружения, о которых простые полицейские и не слышали никогда.

Но представить себе убийцу с иностранной или секретной

снайперской винтовкой разум Артёма решительно отказывался.

Ладно. Это тупик, но он и не должен искать убийцу. Пусть голова болит у Крылова. Артёму надо всего лишь найти флэш-карту, а убийцу с его хитрым оружием он получит в довесок.

Не правда ли, удобно?

Артём усмехнулся, представив себе Крылова, узнающего, что пули выпущены из снайперской винтовки. Прижал чашечкой из-под кофе десятку, кивнул официанту и вышел, не дожидаясь сдачи.

С деньгами – совсем швах. Надо было взять у Татьяны задаток.

У дверей Артём на миг задержался. Резко, холодно толкнуло в сердце предчувствие. Сейчас он откроет дверь, шагнет – и далекий снайпер нажмет на спуск...

– Хренушки, – сказал Артём, распахивая дверь.

Удара не было. Отсвечивали на солнце окна Бауманки.

Но все-таки Артём поспешил перейти на другую сторону улицы, прежде чем двинуться к университету.

Существуют места, навевающие тоску на любого нормального человека. Прежде всего, конечно, это присутственные учреждения, обитель бюрократов, с которыми хочешь не хочешь, а приходится иметь дело – если ты уже родился, еще живешь или недавно скончался и пока не похоронен. Да-

лее – отвратительные для любого считающего себя здоровым человека медицинские заведения. Пусть врачи будут мудры и гуманны, сестры красивы и квалифицированы, нянечки заботливы и небрежны – все равно нормальный человек больниц и поликлиник чурается, как огня. Даже кладбища и крематории выглядят веселее и правдивее – бесповоротной окончательностью своей функции.

Но не меньшее отторжение вызывают школы и институты (конечно, если ты в них учился, а не пас овец на высокогорных пастбищах). Пятнадцать загубленных лет жизни, да еще каких лет! Энергия бьет ключом, хвост стоит пистолетом, хочется резвиться и шалить, ухаживать за девушками и путешествовать. Нет, суровая проза жизни (и ведь правдивая проза, вот что обидно!) заставляет тебя учиться, грызть науки (кое-кто говорит, что это гранит, но скорее – не более чем закаменелые отложения), постигать дисциплину и приобретать опыт жизни в коллективе. Надо, конечно же, надо учиться! И даже ненужные в жизни знания служат великой цели тренировки ленивых мозгов. Но по доброй воле появляться там, где из малолетних гуманоидов делают людей – занятие невеселое. Сразу вспоминаются детство и юность, прошедшие до обидного быстро и скучно. А еще становится понятно, что тебе уже никогда не изменить свою жизнь, что ты, в отличие от веселых студентов, все положенные выборы сделал, закоснел, заматерел – и теперь перед тобой только одна дорога.

К следующей инкарнации.

Артём не думал об этом, пробираясь мимо аудиторий и лабораторий, мимо вечно распахнутых дверей в накуренные туалеты, мимо шумных студенческих компаний и вечно спешащих куда-то преподавателей. Все эти мысли и так были с ним лет с тридцати, когда он уволился из МУРа, полный решимости изменить и свою жизнь, и окружающий мир; он еще был напоен энергией, еще ощущал себя молодым... и внезапно оказался в тупике. Все уже выбрано. Все уже отмерено. Все уже построено. Можно сменить профессию окончательно, уйти из частного сыска в цветоводство или начать петь песни под гитару – ничего не изменится. Полжизни ты ждешь поезд, в который хочешь сесть, покупаешь билеты и ищешь свой вагон. Но только когда поезд трогается, ты узнаешь, что остановок больше не предвидится. И тогда либо прыгай под откос, ломая руки и ноги, либо кури в тамбуре, глядя, как проплывают мимо навеки незнакомые полустанки.

Школы и институты – они как беспощадное напоминание о тысячах жизней, которые не дано прожить.

– Я тебя ждал у носа! – перекрикивая гвалт, сообщал в мобильник какой-то студент. – В циркуле, где же еще... Давай, подходи!

Кафедра низко– и высокочастотных колебаний помещалась на восьмом этаже. Артём поднялся пешком, то ли из упрямого желания доказать себе собственную хорошую фор-

му, то ли стараясь воспринять окружающую атмосферу. Вторая причина казалась приятнее для самолюбия.

Искать никого не пришлось. У открытых дверей с табличкой «Аспирантская» стояла невысокая крепенькая женщина и отчитывала кого-то, невидимого из коридора.

– В нашей ситуации, товарищ аспирант Киреев, следует думать не о себе, любимом, а о погибшем друге и учебном процессе! Ваше поведение – это капитулянтство и слюнтяйство! Ведете себя, простите, как баба перед месячными!

При появлении Артёма женщина и не подумала снизить голос. Лишь покосилась неодобрительно и добавила, прежде чем закрыть дверь:

– И прекратите курить на рабочем месте, окружающие не обязаны вдыхать вонь!

Дверь она ухитрилась закрыть мастерски – вроде бы захлопывая с раздражением и силой, но при этом абсолютно беззвучно. Высший класс разборок!

– Что вам нужно, товарищ? – женщина перенесла свое внимание на Артёма.

– Добрый день, Карина Аслановна, – вежливо сказал Артём. – Артём Камалов, детектив. Если вы не возражаете, я побеседовал бы четверть часа с товарищем Киреевым, а потом отнял семь-восемь минут у вас.

Удивительные результаты приносит «попадание в тон» и демонстративная информированность об именах-фамилиях. Профессор Данилян не удивилась слову «детектив», не

попросила предъявить удостоверение, а лишь взглянула на часы и сообщила:

– Через двадцать минут жду вас в своем кабинете, товарищ Камалов.

Уточняя, где находится кабинет, Артём теперь не мог. Поэтому дружелюбно кивнул и вошел в «Аспирантскую».

Да, тут и впрямь было накурено. Помещение оказалось длинным, узким, с одним окном, выходящим в сторону Лефортовской набережной. По стенам – стеллажи с каким-то хламом, книгами, журналами. У окна – стол, несколько стульев. И подвергшийся суровой критике товарищ аспирант Захар Киреев. Пренебрегая мебелью, Захар сидел на подоконнике.

Он и впрямь походил на Карлсона – такой же толстенький, невысокий, щекастый. Вот только Карлсон при всем своем антипедагогическом поведении никогда не курил и не брал в руки стакан с однозначно алкогольным содержимым.

– Влетело, Захар? – спросил Артём, подходя к аспиранту. Тот лишь махнул рукой. Вдумчиво посмотрел на Артёма. Плеснул в чистый стакан прозрачной жидкости из склянки.

– Спирт я разбавляю, – сообщил Артём.

– Уже разбавлено, – отозвался Кирия. – Земля пухом Ивану... пусть побыстрее повернется колесо.

– Побыстрее, – согласился Артём.

Они выпили не чокаясь. Едва прикоснувшись к стакану, Артём понял, что спирт был разбавлен исключительно сим-

волически.

Киреев выжидающе смотрел на Артёма, и тот молча выпил. Вздыхнул, взял со стола кусочек хлеба, зажевал.

– Ты не мент, – сказал Киреев. – Ты кто?

– Частный детектив. Зовут Артёмом.

Киреев скорчил удивленное лицо. Подумал и спросил:

– А с каких пор расследованием убийств занимаются в частном порядке?

– Я не расследую убийство, – Артём придвинул стул, сел. – Я ищу флэшку от диктофона. А убийство... ну, разве что случайно.

Киреев понимающе кивнул. Затянулся, затушил бычок, ловко вскарабкался на подоконник и принялся дергать закрытое наглухо окно.

– Танька наняла? – спросил он, не поворачиваясь.

– Она.

– А частные сыщики всем и все рассказывают? Вдруг я и есть убийца?

Артём фыркнул. Киреев начинал ему нравиться.

– Был вчера утром у «Денег на ветер»?

– Зачем? С нашего этажа вход в пивнушку как на ладони.

Пиф-паф...

Мысленно Артём поаплодировал аспиранту.

– Bravo. Но ты-то не убийца.

– А кто тогда?

– Тебе сказать? – лениво спросил Артём.

Киреев, распахнувший наконец-то окно, медленно повернулся. Сходства с Карлсоном он не потерял. Только теперь это был очень злой Карлсон, у которого стырили годовой запас варенья, да вдобавок еще и запретили играть с Малышом.

– Ты знаешь?

– Есть версия, – сказал Артём. – А к вечеру сообразят и в полиции. Или завтра к утру. Но это ничего не значит, Киря. Улик уже не найти. А без флэшки не будет и мотива.

Киреев тяжело спрыгнул с подоконника. Подозрительно уставился на Артёма. Тот сидел молча, без улыбки.

– Что я могу для тебя сделать? – спросил Киреев.

– Где Иван смонтировал Звезду Теслы?

Киреев развел руками. Постучал по столу.

– Здесь! Здесь он ее смонтировал. Извини, показать не могу – забрали вчера как вещдок. Вон к той розетке подключился, дурачина. И сунул башку в капкан...

– Он тебе не звонил? – спросил Артём. – После эксперимента?

Киреев покачал головой.

– Ты сам флэшку искал?

– Тут вчера все перерыли, – мрачно сказал Киреев. – В обед явились – и лаборатории, и аспирантскую – все проверили. Нет флэшки, опоздали!

– Никто никуда не опоздал, – ответил Артём. – Давай для начала исходить из этого. Иван спрятал запись, и она до сих

пор находится в здании.

– Откуда ты знаешь?

Артём промолчал. Ну как объяснить, откуда он это знает? Из слов Ивана, из его уверенности, что запись существует. Из ощущения чужого холодного взгляда на пороге «Денег на ветер». Убийца здесь. И флэшка тоже здесь. Пока существует запись – убийца под угрозой.

– Иван мне говорил, что хочет пройти Звезду, – пробормотал Киреев. – Я сам ему предложил записать разговор на диктофон... Но я не знал, что он собирался это сделать прошлой ночью! И куда он флэшку дел – тоже не знаю. Я пришел утром на работу, увидел прибор на столе, рядом диктофон – сразу все понял. Проверил, но в диктофоне флэшки не было.

– Что за диктофон? – спросил Артём.

– Простенький такой, китайский. Размером с пачку сигарет. Вставляется флэшка, на нее идет запись. Динамик крошечный, едва-едва бормочет. Даже не на аккумуляторах, на батарейках.

Артём кивнул, поднялся. Выпитый спирт придал движениям неприятную ватность.

– Возьми, – Киреев протянул ему упаковку «Антиполиция». – Спасибо, что выпил со мной. Я... не прав, наверное. Но захотелось помянуть Ивана.

– Понимаю, – сказал Артём. – Мне надо поговорить с Ройбахом, Световым, Агласовым и Данилян. Что скажешь о них, Захар?

Киреев задумчиво потер переносицу.

– Данилян... Ты же ее видел... На самом деле – неплохая женщина. Как ученый давно кончилась, увы. Но как руководитель кафедры – на своем месте. Знаешь, организаторы в науке тоже очень важны, если они не мнят себя при этом великими учеными. Иван ее уважал.

– А ты?

– Тоже, – во взгляде Киреева мелькнуло удивление. – Ты об этом разносе? Да нет, она права. А я дурак, что дверь не запер.

– Агласов?

– Приятный мужик. Ему уже семьдесят, в прошлом году юбилей отмечали. Ивану он помог в свое время. До сих пор занимается научной работой... Тридцать лет назад, можно сказать, из руин факультет газодинамики восстановил.

– Фигурально выражаясь?

Киреев хихикнул, но тут же посерьезнел.

– Да нет, на самом деле из руин. Был взрыв в научной лаборатории, погибли семеро студентов и почти весь преподавательский состав. Ты же понимаешь, у нас и сейчас многие исследования военные, а тогда в мире было неспокойно. Занимались боеприпасами объемного взрыва... дозанимались! Что факультет возродился – целиком заслуга Агласова.

– Светов?

– Пижон, – коротко ответил Киреев. – Парень с амбициями, но... Я его плохо знаю, а вот Ивану нравилось с ним пи-

кироваться. Наш с Иваном ровесник, на год раньше закончил университет. В армии служил где-то на Кавказе, но так раздолбаем и остался.

– Кем служил?

Киреев замолчал. Неуверенно развел руками. Спросил:

– А ты полагаешь...

– Нет, я просто спросил, – успокоил его Артём. – Ройбах?

– Ну, Анатолий Давидович – ученый серьезный, – Киреев едва заметно улыбнулся. – Быть ему нобелевским лауреатом за что-нибудь. Или президентом Академии Наук. Как сам решит. Я серьезно говорю, у него на все способностей хватит. А мужик еще молодой.

Артём достал и протянул ему визитку.

– Здесь мой мобильный номер. Если вдруг что-то вспомнится или найдешь флэшку... – он улыбнулся. – Позвони.

– Позвоню, – пряча визитку в карман, пообещал Киреев. – Что-нибудь еще?

– Где кабинет Данилян, не подскажешь?

Карина Аслановна сидела за компьютером. Не изображала деятельность, а именно работала – пальцы так и бегали по клавишам. Артём постучал, тихонько вошел. Карина Аслановна кивком указала на кресло и продолжала работать. С полминуты Артёму пришлось ждать.

– Извините, – закрывая файл, сказала Данилян. – Чем могу быть полезна, товарищ Камалов?

«Товарищ» у нее звучало звонко, гордо. Видимо, Карина Аслановна состояла в коммунистической партии. При всем скепсисе Артёма касательно революционных идей работать с убежденными коммунистами он любил – почти как с ортодоксальными православными или мусульманами-ретроградями. Всегда проще, когда у собеседника есть четкая система убеждений.

– У меня несколько вопросов общего порядка, – сказал Артём. – Карина Аслановна, скажите, как получилось, что на кафедре имелась работоспособная Звезда Теслы?

Данилян вздохнула – как человек, вынужденный в очередной раз излагать азбучные истины.

– Товарищ Камалов, наша кафедра называется «Кафедра низко- и высокочастотных электромагнитных колебаний». Как вы понимаете, основной темой нашей работы является исследование влияния электромагнитных колебаний на психику человека. Те самые исследования, которые в 1893 году привели к созданию «спиритической спирали», или Звезды Теслы.

Артём вежливо кивнул.

Его нисколько не интересовал исторический экскурс – да и причина, по которой в университете стоял рабочий макет Звезды. Ясное дело, что будущие механики изучают макеты двигателей, будущие электрики – макеты генераторов, а будущие ученые – макеты «спиритической спирали». Куда интереснее было наблюдать за самой Мариной Аслановной.

– Устройство, созданное больше ста лет назад и активно применяющееся во всем мире, не может являться секретным, – продолжала Данилян. – И пожелай Тесла изначально засекретить свои исследования – за годы информация все равно бы просочилась. Даже на уроках физики в пятом классе детям рассказывают об устройстве Звезды Теслы, упрощенно, разумеется. А у нас учатся студенты, которым предстоит всю жизнь продолжать исследования великого Теслы. Как вы полагаете, возможно ли обучать их без работоспособных макетов?

– Звезда может быть опасной.

– Не более, чем утюг или электрическая лампочка, товарищ Камалов. Макеты Звезды, находящиеся в университете, вполне работоспособны. Но! Есть одно отличие. Настоящая Звезда Теслы воздействует на человеческий мозг сочетанием низко- и высокочастотных колебаний. Только в этом случае возникает «инкарнационный прорыв» и предыдущее воплощение человека временно обретает сознание. В макете стоит простой и надежный предохранитель, позволяющий включать либо только низкочастотный, либо только высокочастотный контур.

Артём снова кивнул. Данилян чуть-чуть оживилась, как любой профессионал, получивший возможность растолковывать азбучные истины благодарному слушателю.

– Отключить предохранитель несложно, – продолжала она. – Точно так же, как несложно засунуть в розетку два

гвоздя и взяться за них рукой. Мы запрещаем гвозди и розетки? Нет. Так какие у нас были основания использовать вместо нормальных работоспособных макетов бутафорские генераторы?

– Никаких, – согласился Артём. – Вы совершенно правы. Извините, я не имел в виду ничего дурного. Хотел лишь прояснить ситуацию.

Данилян подозрительно посмотрела на него. Кивнула. Суховато спросила:

– Еще вопросы?

– Вы знаете о причинах убийства Петренко?

Данилян вздохнула.

– Как сказать. Вчера, когда я беседовала с вашими товарищами, у меня сложилось ощущение, что прежняя инкарнация Ивана сообщила ему что-то важное. Об этом узнал кто-то заинтересованный. И убил Ивана, опасаясь, что правда откроется.

– В общих чертах все верно, – согласился Артём. – Рассказ был записан на флэш-карту...

– Знаю, знаю, – Карина Аслановна поморщилась. – Ее искали. Вот... – она полезла в ящик стола, достала маленькую коробочку диктофона. – У меня точно такой же, видите? Вот такая флэш-карта, – она выщелкнула из гнезда маленький пластиковый квадратик и положила на стол.

– Да уж, спрятать несложно, – согласился Артём. – Вчера утром, до появления полиции, кто-нибудь мог зайти в аспи-

рантскую и вынуть карту из диктофона?

– Да кто угодно! У нас сессия, занятия уже не проводятся. Ключи от дверей, если честно, получить нетрудно. Здесь ходили студенты, преподаватели, уборщицы... кто угодно!

– А я-то думаю, почему так тихо, – понимающе сказал Артём.

– Сессия, – повторила Данилян. – Завтра экзамен у третьего курса – будет шумно. Иван был в комиссии... теперь надо срочно искать замену. Ужасная история, товарищ Камалов. Всякое бывает в учебном процессе, студенты порой такое творят! Но чтобы преподаватель повел себя столь безответственно, а потом погиб! Такого у нас не бывало никогда!

– Ну а как же взрыв в лаборатории газодинамики?

– Этой истории почти тридцать лет, – Данилян поморщилась. – Да, там было явное нарушение техники безопасности. Но это не наш факультет. Мы с подобными объектами не работаем.

Она демонстративно посмотрела на часы.

– Кого из друзей Петренко посоветуете расспросить? – Артём сделал движение, будто порывается встать.

– Киреева, – не задумываясь, ответила Данилян. – Светова... он не друг, скорее – вечный оппонент. Профессора Агласова – он всегда протезировал Ване.

– Спасибо, – теперь Артём и в самом деле встал. – Скажите, а где я могу найти профессора Ройбаха?

– Его кабинет в конце коридора.

– Благодарю вас, товарищ Данилян, – с чувством произнес Артём. – Последняя просьба... Вы не могли бы одолжить мне флэш-карту из своего диктофона?

– Зачем? – удивилась Карина Аслановна.

– Хотел бы показать некоторым людям. Всегда проще, когда показываешь, что надо искать. Я верну ее через пару часов.

– Пожалуйста, – Данилян протянула ему карту. – Я буду на работе до четырех часов, потрудитесь меня найти.

Работа детектива – неважно, состоящего на службе в милиции или занимающегося частным сыском – неизбежно связана с поступками не самыми этичными.

Чтобы разоблачить шантажиста, приходится стать шпионом. Чтобы поймать вора, приходится искать доносчиков. Чтобы схватить убийцу, приходится угрожать и запугивать.

Артёму приходилось и шпионить, и вербовать доносчиков, и угрожать.

Но больше всего Артём не любил провоцировать.

Есть что-то постыдное в самой необходимости одному человеку устраивать ловушку для другого. Даже для преступника. Даже для убийцы.

Но ни одному детективу в мире не удалось обойтись без блефа и провокации. В прошлой своей жизни, будучи Аланом Пинкертоном, Артём неоднократно становился «своим»

для преступников, проникал в банды, планировал ограбления – чтобы затем победоносно схватить негодяев на месте преступления. Разумеется, Артём не помнил своих приключений, тысячекратно умноженных и растиражированных «желтой» прессой. Читать – читал, со стыдливым интересом знакомясь с деталями походов своей прежней инкарнации. И неоднократно думал, что «его» методы, во многом заложившие основы современного сыскного дела, имели и свою оборотную сторону. Сыщик и преступник – не только антагонисты, не только соперники, но еще и два полноправных игрока. От хода сыщика зависит и ответный ход преступника. Алан Пинкертон безжалостно преследовал и уничтожал американских бандитов, но не была ли ответная жестокость преступного мира отчасти порождена и его методами?

Артём не знал ответа. Точнее, знал тот ответ, который стал справедливым в его время. С шулерами дозволимо играть краплеными картами.

Если и были в мире благородные преступники, то они навсегда остались под пологом Шервудского леса. Там, наверное, им самое место.

Потому что стоит присмотреться к настоящему преступлению, и вы найдете не страдающего Отелло, а лишь пьяного мужа, приревновавшего супругу к соседу; не благородного Гамлета, а коварного охотника за наследством; не пылкого Ромео, а банального соблазнителя.

Правда всегда грязнее фантазии.

Выйдя от Данилян, Артём не сразу отправился к молодому профессору Ройбаху. Вначале он снова заглянул в аспирантскую и несколько минут беседовал с Киреевым. Они обсудили, куда же все-таки Петренко мог спрятать флэш-карту, и сошлись на том, что она «где-то здесь».

Артём еще раз попросил Киреева позвонить, если сумеет что-то найти, и удалился.

А флэш-карта от диктофона Карины Данилян осталась в аспирантской. На дне стеклянной вазочки, из которой уныло торчали пластиковые цветочки.

Правоту Захара Киреева Артём понял, едва увидел профессора Ройбаха. Во-первых, профессор хоть и нагонял себе возраст изо всех сил – и бородой с редкой, едва ли не перекисью обеспеченной проседью, и очень консервативным костюмом, – но выглядело это у него вполне естественно. Вроде и понимаешь, что человек немногим тебя старше, а невольно начинаешь обращаться как к уважаемому пожилому господину. Во-вторых, профессор и впрямь был личностью многогранной и вполне «от мира сего». Не купившись на фразу «детектив Артём Камалов», он потребовал удостоверение личности, снисходительно улыбнулся, услышав о частном расследовании и поиске пропавшей флэшки, и согласился уделить Артёму пять минут.

Об Иване Петренко профессор отозвался с симпатией и сочувствием. О его мальчишеской выходке со Звездой Теслы – со снисходительным осуждением. О коллегах – вежливо, но с хорошо подчеркнутой дистанцией.

Разумеется, о местонахождении несчастной флэш-карты Ройбах ничего не знал. Но, закуривая тоненькую «дамскую» сигарету, искренне пожелал успехов в благородном деле частного сыска. После чего недвусмысленно посмотрел на часы – у него это вышло куда изящнее, чем у Данилян.

Выходя из кабинета профессора, Артём с некоторым вос-

хищением подумал, что если все-таки убийцей является Ройбах, то дело дрянь. Такой ошибок не допустит.

Хорошо хоть, что люди подобного склада крайне редко опускаются до банальной уголовщины. Они могут сживать со света противников на ученых советах, доводить оппонентов до инфарктов и инсультов, но никогда не снизойдут до такой грязной банальности, как огнестрельное оружие.

С этой не слишком успокоительной мыслью Артём и отправился на поиски аспиранта Светова, с которым так любил спорить и пикироваться покойный.

Сергей Светов был крепок, подтянут и мускулист. Такому не математикой и программированием заниматься, а уголь в шахте добывать, на худой конец – спортивные рекорды устанавливать.

Его удалось найти в столовой, в «обжорном ряду», как ее называли в университете.

– Чудило он гороховый, Иван, – ничуть не стесняясь, высказался Светов о покойном. – Ну кто же такое делает? Под Звезду Теслы – самому! А если бы шок? А если бы крыша съехала? Опять же, если узнал что-то важное, то молчи в трубочку! Дуй в правоохранительные органы и пиши заявление: так мол и так, я инкарнация и наследник Рокфеллера, капиталы в Россию переведу, обеспечьте-ка мне охрану!

– Инкарнация Рокфеллера? – удивился Артём.

– Ну, это к слову, – отмахнулся Светов. – Что-то же было

сказано? И Петренко это что-то кому-то ненужному ляпнул! Вот и подослали киллера. Нельзя же так, господин детектив, никак нельзя!

Отломив вилкой половину котлеты, он отправил ее в рот, прожевал и добавил:

– На всякий случай: тут разные идиоты говорят, что мы с Иваном враждовали. Ну... было маленько. Идейные разногласия, можно сказать. Но я его не убивал. Вчера утром все время был здесь, в новом корпусе. Поминутно, конечно, алиби не обеспечу, но поспрашивайте людей... не было у меня времени караулить его у пивной... Вы-то сами не хотите пообедать?

– Пока нет, спасибо, – Артём доброжелательно улыбнулся. – Здесь можно курить?

– Нет, нельзя, – приступая к гарниру, ответил Светов. – И слава Богу. И вообще не советую, господин детектив, дурная привычка.

Артём покаянно кивнул и спрятал сигареты. Спросил:

– Скажите, Сережа, а кем вы были в армии?

Еще никогда ему не доводилось видеть такого быстрого перехода от самоуверенной бодрости к отчаянной панике. Будто Сергея Светова схватили за коротко остриженные волосы, дернули вверх – и стянули маску с нарисованной улыбкой Рыжего Клоуна. А новый клоун оказался Белым. Тем, у которого уголки рта загнуты вниз, тем, кого положено колотить огромными надувными молотками.

– Вот как... – пробормотал Светов.

– Ответьте на вопрос, пожалуйста, – сказал Артём.

– Я служил в частях специального назначения.

– Должность, Сергей. Должность.

Аспирант Сергей Светов отставил тарелку с недоеденной котлетой. Устался на Артёма.

– Ну? – подбодрил Артём.

– Снайпер.

Похоже, Светов уверился, что «детектив Артём Камалов» прекрасно знает его воинскую биографию.

– Тогда зачем несете чушь о киллере, караулившем у пивной? – резко спросил Артём. – Уже с пятого этажа вход в пивную прекрасно виден. И помещений, в которых можно закрыться и поджидать, вполне хватает.

– У меня нет снайперской винтовки! – выпалил Светов.

– А я вас ни в чем и не обвиняю, – ответил Артём. – Я с вами советуюсь, Сергей. Вы служили в армии, были снайпером. Возможно расстрелять человека на таком расстоянии?

– Сколько раз в него попали? – хмуро спросил Светов.

– Три раза подряд.

– Я бы не смог, – пробормотал Светов. – Тут больше километра расстояние. С «драгуновкой» – тяжело. Нет, если это твоя, хорошо пристрелянная винтовка, если постоянно тренируешься, если позиция удобная... все равно тяжело!

– А вы тренируетесь? – поинтересовался Артём. – Нет, не надо отвечать. Уверен, что заходите порой в тир. Дело не в

этом...

– Господин Камалов! – Светов явно собрался с духом и решил дать отпор. – Я решительно отказываюсь продолжать этот разговор...

Артём быстро перегнулся через стол, схватил Светова за руки. Прошептал:

– Кончай дурью маяться, боец! Ты мне скажи – из чего могли бы так стрелять? Теоретически? У нас в армии есть такие стволы?

– Да я же не специалист, я два года винтовку по горам таскал да в мишени лупил, вот и все! – оборона Светова рухнула мгновенно. – Я даже в боестолкновениях не участвовал... ну, один раз по контрабандистам постреляли, для остротки, они сдались сразу, мы даже не ранили никого...

– Есть такие стволы? – повторил Артём, понизив голос. Обычный столовский шум как-то затих, а привлекать внимание не хотелось.

– Наверное, есть, оружейники и не такое напридумывали, – Светов помедлил. – Тут ведь даже не ствол главное, господин детектив! Обычные пули никогда не дают хорошей кучности, вот у спецподразделений для снайперов специальные боеприпасы имеются, даже из СВД начинаешь кучно лепить...

Он вдруг замолчал, глядя куда-то за спину Артёма. И это был не взгляд загнанного в угол преступника, пытающегося отвлечь сыщика, а паника человека, без вины виноватого, но

на снисхождение не надеющегося.

– И ты здесь... сыщик, – на плечо Артёма легла рука. – Господин Светов, не стоит делать резких движений.

Светов и не пытался.

– Да не порите горячку, Денис Романович, – Артём повернулся к Крылову и ухмыльнулся. – Ого! Ну это круто!

Это и впрямь было круто. Теперь стало ясно, почему замолчали студенты, замечательно умеющие есть и говорить одновременно.

За спиной Крылова стояли пятеро бойцов из группы захвата. Трех Артём узнал даже в масках, двое были новенькими. Все пятеро – с оружием. Четверо с короткоствольными автоматами, один – с полицейским тетанайзером.¹

Идиот!

Они что, собирались палить из автоматов посреди столовой?

Если бы группу вел Артём, то он взял бы троих с тетанайзерами и, на крайний случай, двоих с пистолетами.

– Не оstri, сыщик, – процедил Крылов. Чувствовалось, что словом «сыщик» он заменяет слово «Пинкертон», но с

¹ Тазер – электрошоковое оружие, выстреливающее два острых электрода на расстояние до 5–7 м. Эти стрелки-электроды соединены тонкими проводниками с источником высокого напряжения в корпусе оружия и способны пробить слой верхней одежды до пяти сантиметров толщиной. Напряжение в 50 тыс. вольт эффективно парализует преступника на несколько минут. Тетанайзер – тазер, в котором электродами служат лазерные лучи, ионизирующие воздух. Реально существующее оружие. – *Прим. авт.*

огромной неохотой. – Самым умным себя считаешь? – Он снова перевел взгляд на Светова и произнес: – Вы задержаны по подозрению в убийстве Ивана Петренко. Прошу вас следовать за нами.

Вокруг зашумели. Пока еще тихо-тихо, но это были только первые раскаты начинающейся бури. Через полчаса она примется бушевать во всем университетском городке.

«Убийца преподавателя найден!»

«Это другой преподаватель!»

«Снайпером был в армии!»

«Из Бауманки стрелял!»

Артём покачал головой. Посмотрел на обреченно поднимающегося Светова. И сказал:

– Ну что ж вы так, Денис Романович. Хоть пирожное дайте доесть человеку...

– Ты у меня дошутишься, – прошептал Крылов. – Когда тебе стало известно, что стреляли из снайперской винтовки?

– Мне? Известно? – Артём соорудил удивленное лицо.

– Дошутишься, – бросил еще раз Крылов и полностью переключился на Светова. Это был миг его триумфа. Не какой-нибудь жалкий пьяница, укукошивший собутыльника, а настоящий, коварный, опасный убийца! Снайпер!

Артём молча наблюдал, как Светову зачитывают права, надевают наручники и конвоируют к выходу. Даже теперь автоматчики не опустили свое оружие.

– Кондитер, – сказал Артём вполголоса. – Вот олух... где

ж ты возьмешь оружие и мотив?

В отношении оружия и мотива Артём все-таки оказался не прав. Крылов не был олухом и умел рыть землю в поисках улик.

Но пока Артём об этом не знал. И потому он с чистой совестью пододвинул к себе чашку кофе и пирожное, к которым Сергей Светов не успел притронуться.

Кофе остыл. Но сегодня Артёму было не привыкать пить холодный кофе.

Светова уже увезли, Артём успел заметить только выворачивающую на улицу машину с зарешеченными окошками – «гадовозку» на жаргоне «убойного» отдела. Но перед входом в новый корпус еще стояла пара полицейских машин, и рядом с ними о чем-то говорил по мобильнику Крылов. Видимо, рапортовал начальству о быстром и успешном задержании преступника.

Артём остановился поодаль, закурил. Крылов закончил разговор, глянул в его сторону (на удивление дружелюбно) и поманил к себе.

Артём подошел.

– Ты не обижайся, сыщик, – миролюбиво сказал Крылов. – И давай закончим с этими детскими подначками, а?

– Давай, – согласился Артём. – Докладывал об успехе?

– Какой тут успех, все просто, – Крылова прямо-таки распирало от удовольствия и желания поделиться. – Когда экс-

перт сказал, что стреляли из винтовки, все стало ясно.

– Арсений Петрович?

– Он самый. Приковылял в кабинет, глаза горят... нечасто нашему брату снайперы попадают, – Крылов хмыкнул. – А дальше рутина, Артём. Наша нескончаемая рутина, которая одна только и приносит результаты...

– Светов, конечно, мог расстрелять Ивана из винтовки, – кивнул Артём. – Но где он взял оружие? И где ты возьмешь мотив?

Крылов оглянулся. Рядом никого не было, а желание поделиться своим триумфом, пусть даже с неприятным ему человеком, перевешивало.

– Оружие он взял там же, где Иван – Звезду Теслы. Это Бауманка, Артём! Бауманка! Университет работает на оборонку.

– И в нем бесконтрольно хранятся снайперские винтовки? Крылов хихикнул и хлопнул Артёма по плечу:

– Ты бы вспотел, увидев эту винтовку... У них в подвале – испытательный стенд для проверки новых боеприпасов. Они разрабатывают не само оружие, а патроны, понимаешь? Так вот, винтовки там нет. Там есть здоровенная бандура, килограммов в двадцать весом. В центре – огрызок винтовки. Без приклада и весь облепленный датчиками. Рядом смонтирован прицел – не обычный, а настоящий телескоп, труба длиной в полствола! И все это прикручено могучими гайками перед узкой стальной трубой, в конце которой ставится

мишень. Понятное дело, как оружие они это устройство не рассматривали. Так, агрегат для отстрела патронов по мишеням. По документам проходит как «отстрельный механизм». Охраны никакой, замок в двери – простейший.

– Считаешь, Светов вытащил из устройства винтовку?

– Он все устройство вытащил. Гайки недавно откручивали, понимаешь? А если этот «механизм» взгромоздить на подоконник, то с его прицелом можно лупить пулю за пулей в яблочко. Вот только за целью толком не последуешь. Потому он и караулил парня в дверях пивной... гаденыш.

Артём пожал плечами. Сергей Светов не относился к людям, вызывающим мгновенную симпатию (во всяком случае – у мужчин, женщинам самодовольные красавчики-атлеты нравятся сразу). Но...

– Денис, я понимаю, ты все проверил, у Светова нет алиби, и возможность вытащить из подвала... э... агрегат он имел. Но где ты возьмешь мотив?

– С мотивом, Артём, у нас все хорошо, – Крылов понизил голос. – Ты человек наш... как бы там ни было. Вчера ведь общался с супругой убитого?

– С вдовой, – машинально поправил Артём.

Крылов досадливо поморщился, продолжил:

– Четыре года назад у Сергея Светова и Тани Деминой был роман. Серьезный роман. Потом появился Иван – Таня и Сергей расстались, но...

– А... – протянул Артём. – Вот оно что...

– Ты заиклился на Звезде Теслы, которую прошел Петренко, – сказал Крылов. – Решил, что убийство непременно связано с его прошлой инкарнацией? А зря. Если связь и была, то очень опосредованная. Светов узнал о выходке Ивана и решил, что следствие пойдет по ложному пути. Вот и все, Артём. Убийство из ревности. Банальная, древняя, как мир, причина.

– Но все-таки куда-то пропала флэш-карта, – сказал Артём. – И Петренко был очень расстроен тем, что узнал от своего прошлого воплощения.

Крылов только улыбнулся. Пихнул Артёма в бок. Сказал: – Ну так ты поищи. Дело нужное. Только давно уплыла эта флэшка в канализацию. А Петренко небось узнал что-то неприятное о своей прошлой жизни. Пунктик у него был по этому поводу.

– Ты начальник, тебе видней, – пробормотал Артём. – Но я бы на твоём месте не заикливался на одной версии.

– Вот потому ты и не на моем месте, – добродушно сказал Крылов. – Ладно, сыщик. Бывай.

– Удачи, – кивнул Артём.

Он постоял, ожидая, пока Крылов сядет в машину и уедет. Посмотрел на здание Бауманки, вздохнул и направился к главному входу.

Звонок застал его на ступеньках. Артём посмотрел на дисплей трубки, отошел в сторону, присел на каменные перила:

– Да, Таня.

– Артём? – голос был каким-то придавленным, вялым, будто вчера Татьяна наглоталась снотворного. Скорее всего, так оно и было. – Артём, мне позвонили из полиции...

– Я знаю. Сказали, что задержали подозреваемого.

– Сказали, что арестовали убийцу... Сказали, что это Сергей Светов...

– Идиоты, – сказал Артём. – Им потребуется два-три дня, чтобы убедиться в своей ошибке.

– Вы не верите, что это он?

– Нет, конечно. А вы?

– Светов... нет, он не мог. Не мог стрелять в Ивана.

– Вы хорошо с ним знакомы?

После короткой неловкой паузы Татьяна сказала:

– Мы были близки. Полгода. Потом я познакомилась с Иваном... Сережа нас и познакомил...

– Понимаю. Это неважно. Вы уверены, что Светов не стал бы убивать Ивана?

– Уверена. У него давно уже другая женщина. Обида... обида, наверное, осталась. Но из-за обиды не убивают.

– Ясно. Вы не волнуйтесь, Татьяна. Я еще перезвоню вам сегодня. Попозже.

Он спрятал трубку и двинулся к лифту. Факультет газодинамики располагался на восьмом этаже.

Профессора Агласова пришлось подождать. У него в кабинете сидели две молоденькие девчонки – не то преподава-

тели, не то аспирантки, получали какие-то наставления. Артём только заглянул, поздоровался и стал ждать в коридоре.

Наконец девчонки выпорхнули – перешептываясь и улыбаясь, а профессор громко позвал:

– Входите, молодой человек.

Артём зашел в кабинет, притворил за собой дверь. Здесь было прохладно – работал кондиционер, но пахло застарелым куревом, запах въелся в мебель, в книги, в сами стены кабинета.

– Петр Валентинович? Меня зовут Артём Камалов. Я частный детектив, провожу расследование в интересах Татьяны Деминой, вдовы Ивана. Вы сможете...

– Садитесь, садитесь, – профессор Агласов указал на кресло. Он действительно был пожилым человеком, но еще крепким, широкоплечим, совершенно не придавленным возрастом. Наверное, в юности Агласов походил на Сергея Светова. – Нынче убийствами занимаются частные сыщики?

– Нет, конечно, – Артём уселся в кресло. – Я ищу флэш-карту из диктофона Ивана. Это в рамках закона.

Агласов улыбнулся:

– Понимаю. Искать убийцу вы не в праве, но вот искать карту... А на карте – изображение убийцы?

– Полагаю, что да, – Артём кивнул. – Впрочем, карту уже искали, но не нашли. Но я полагаю, что если сумею поставить себя на место Петренко, то мне станет понятнее, куда он ее спрятал. Вы ведь были в хороших отношениях?

– В хороших, – согласился Агласов. Аккуратно собрал раскиданные по столу бумаги, сложил их стопкой, будто готовясь к долгому разговору. – Насколько это возможно при нашей разнице в возрасте и положении. Иван... он напоминал мне покойного друга. Я старался помочь ему... знаете, в науке одного таланта мало, надо еще уметь пробиться, растолкать локтями напористую бездарь, утвердить себя... Иван этого не умел.

– Вы уже знаете, что арестовали Сергея Светова?

Агласов кивнул.

– И ваше мнение?

– Абсурд, – сказал Агласов. – С чего бы ему убивать Ивана?

– Ну... личная неприязнь...

– Вы имеете в виду отношения между Световым и Деминной? – профессор развел руками. – Знаете, это настолько романтично, что я не верю.

– Вот и я не верю, – кивнул Артём. – Но давайте вернемся к Ивану. Вы его неплохо знали. Представьте, что Иван решился в одиночку пройти Звезду Теслы. Ночь, пустой университет. Он выходит из транса, берет диктофон. Слушает запись. И узнает что-то шокирующее, что-то, переворачивающее все его представления о жизни... Что это могло быть?

– Наследство? – спросил Агласов. – Самое вероятное, на мой взгляд... Я закурю, с вашего позволения.

– Тогда и я тоже, – согласился Артём.

Профессор подвинул простенькую стеклянную пепельницу на середину стола, достал сигареты. Предложил Артёму – тот отказался и достал свои.

– Я полагаю – наследство, – повторил Агласов.

– Проблемы с наследством – это мой хлеб, – кивнул Артём. – Но из-за них не убивают. Вот представьте, Иван узнал, что должен был получить огромную сумму денег... а ее, к примеру, получили вы. Он звонит вам и возмущенно спрашивает: «Где мои деньги?» Вы же не попрете после этого на восьмой этаж отстрельный механизм, не сядете в засаду?

– К счастью, молодой человек, – на лице Агласова не дрогнул ни единый мускул, – подобная ситуация даже теоретически невозможна. Я никогда не получал наследства – ни от инкарнации, ни от родителей. Вырос в детдоме, понимаете? Всего в жизни пришлось добиваться самому.

Артём кивнул:

– Я привел совершенно гипотетический пример. Собственно говоря, я веду речь о том, что убийство было совершено по гораздо более серьезной причине. Не из-за ревности. Не из-за денег... Извините.

Артём достал зазвонившую трубку.

– Простите, мне нужен Артём Камалов.

– Я слушаю.

– Это Киреев, Захар Киреев. Знаете, я тут заново общал аспирантскую... Флэшка у меня! Она лежала в пустой вазочке, на дне! Что мне делать?

– Замечательно, – сказал Артём. – Просто замечательно!

Вы ее не слушали?

– Нет пока... а надо?

– Берите диктофон и поднимайтесь в кабинет профессора Агласова. Я у него.

– Сейчас!

Артём спрятал трубку и довольно улыбнулся:

– Вот видите, как удачно! Флэшка нашлась. Сейчас Захар Киреев ее принесет.

Агласов внимательно посмотрел на него. Несколько секунд помолчал, о чем-то размышляя. Потом улыбнулся:

– Как удачно нашлась...

– И не говорите, – поддакнул Артём.

– Я с удовольствием послушаю ее вместе с вами. Но вы продолжайте, продолжайте молодой человек... Итак, если убийство было совершено не из-за денег и не из-за несчастной любви, то что же у нас остается?

– Я попытаюсь объяснить ход своих мыслей, – кивнул Артём. – Иван что-то узнал. Это «что-то» его потрясло. Он кому-то позвонил и поделился информацией. Этот «кто-то» назначил ему встречу в пивном ресторанчике, но сам туда не пришел. Вместо этого – убил Ивана. Орудием убийства послужил отстрельный механизм из лабораторий Бауманки; логично предположить, что убийца здесь и работает. Теперь двигаемся дальше. Почему Иван вообще стал звонить своему будущему убийце? Не поверил своей прежней инкар-

нации? Хотел исключить возможность ошибки, прежде чем дать делу ход? Тогда этот человек должен быть ему чем-то дорог. Круг подозреваемых сразу сужается... Вы следите за ходом мысли? Тогда двигаемся дальше. Убийца, застрелив Ивана, сохраняет полнейшее хладнокровие. Почему? Видимо, убивать ему не впервой. Возможно, Иван узнал о прошлом убийстве, совершенном этим человеком. Впрочем, даже самое ловкое преступление мало чего стоит, ведь жертва может сразу реинкарнироваться и лет через десять рассказать о преступлении. Вы, наверное, знаете, что жертвы насильственных преступлений, как правило, перерождаются очень быстро? Почему убийцу это не беспокоит?

– Вероятно, потому, что убийца уже очень стар, – спокойно сказал Агласов. – И не рассчитывает прожить больше десятка лет.

– Хорошая мысль, – поддержал его Артём. – Итак, что мы получаем в итоге?

В дверь постучали.

– Входите, – негромко сказал Агласов.

Захар Киреев заглянул в кабинет.

– Здравствуйте, Петр Валентинович... Артём, я...

– Заходи, – сказал Артём. – Итак, мы приходим к мысли, что убийца Ивана работает в Бауманке – раз, в его прошлом есть какое-то непонятное и чудовищное преступление – два, он стар – три.

Киреев, держа в одной руке диктофон, а в другой – фл-

эш-карту, с удивлением смотрел на Артёма.

– Давай сюда, – Артём забрал у него диктофон и карту. Посмотрел на Агласова. Спросил: – Вы не хотите ничего сказать?

– Удивляюсь вашей наглости, – спокойно ответил профессор. – Давайте вашу карту, послушаем, что на ней есть.

Артём молча протянул ему диктофон и карточку. Секунду Агласов держал карту в руках. Потом, усмехнувшись, вставил в гнездо диктофона, нажал на воспроизведение и презрительно отодвинул диктофон по столу к Артёму.

Огонек на диктофоне тлел зеленым, но ничего слышно не было.

– Значит, вы все-таки уничтожили карту, – сказал Артём.

– Молодой человек, – холодно произнес Агласов. – Вы ввалились ко мне с нелепейшими обвинениями, а теперь еще и разыгрываете комедию с фальшивой флэш-картой. Ах, как удачно она нашлась! Очевидно, в вашем понимании я должен был разрыдаться или попытаться ее сломать? Так вот, прежде чем я позвоню в полицию и расскажу о вашем возмутительном шантаже...

– Здравствуй, незнакомец... – очень тихо донеслось из диктофона. – Меня зовут Иван Петренко. Я – твоя следующая жизненная инкарнация...

У Агласова отвисла челюсть. Но и Артём оцепенел – и когда профессор перегнулся через стол, хватая диктофон, он не успел ему помешать.

Успел Киреев. Прыгнул к столу, схватил диктофон, вырвал, выкрутил из рук профессора. Агласов и впрямь был крепок, но в данном случае молодость победила.

– Сука! – завопил Агласов. – Сука, Ванька, ты сука!

Он вскочил из-за стола, нелепо размахивая руками, беззвучно глотая воздух, мгновенно превращаясь из солидного и крепкого еще старика-профессора в того, кем и был на самом деле – дряхлого, трясущегося от страха и ненависти убийцу.

А голос в диктофоне уже неуловимо изменился – так бывает всегда, когда устами человека начинает говорить его прошлое жизненное воплощение:

– Меня зовут Леонид Балашов. Я родился восемнадцатого июня одна тысяча девятьсот тридцать второго года. Я погиб третьего декабря одна тысяча девятьсот семьдесят третьего года. При жизни я заведовал факультетом газодинамики в Высшем Техническом Училище имени Баумана. Прежде всего я хотел бы рассказать об обстоятельствах своей смерти. Проводился любопытный эксперимент, теоретически способный привести к созданию сверхмощных боеприпасов объемного взрыва. Присутствовала большая часть преподавательского состава и несколько студентов. Видимо, только я заметил, что находившийся за пультом управления Петр Валентинович Агласов, старший научный сотрудник нашего факультета, подает слишком большое количество смеси в испытательную камеру. Я несколько раз спро-

сил через переговорник, что именно он делает, затем подошел к бронестеклу и постучал по нему, пытаясь привлечь внимание Агласова. Однако он встал из-за пульта и быстро покинул пультное помещение. Герметичная дверь из лаборатории взрывотехники была закрыта и, видимо, заблокирована снаружи. Больше я ничего не помню. Теперь, что касается моих личных дел...

Артём нажал кнопку, выключая диктофон. Сказал:

– Захар, позвоните, пожалуйста, в полицию. В отдел особо тяжких. Объясните в двух словах ситуацию...

Профессор Агласов медленно сел в свое кресло. Схватил какой-то документ, положил перед собой, уставился в бумагу. Рывкнул – точнее, попробовал повысить голос, но тот сорвался на писк:

– Вон! Вон, не мешайте работать!

– Работайте, а мы подождем полицию, – сказал Артём.

Агласов медленно поднял голову. Спросил:

– Он скопировал карту?

– Иван все-таки был ученый, – ответил Артём. – Честно говоря, я действительно собирался вас спровоцировать. Но Иван относился к своим действиям как к эксперименту. Он сдублировал оборудование. Взял второй диктофон из кабинета заведующей кафедрой и поставил его на запись. А потом отнес на место... Я ответил на ваш вопрос. Может быть, и вы, Петр Валентинович, скажете, что же произошло в семьдесят третьем году? Чем вам не угодили коллеги?

– Вы никогда не работали в научной среде, молодой человек, – Агласов горько улыбнулся. – Вы не знаете, что это такое, когда вас зажимает свора самозванных мэтров, когда не дают хода разработкам, имеющим огромное народнохозяйственное значение! Они считали, что я не прав, что повышение мощности взрыва невозможно. А я доказал, что не правы они! Понимаете? Я всего лишь доказал свою правоту!

Агласов опустил голову. Взял ручку и принялся что-то отпечатать в документе.

Он занимался этим и через четверть часа, когда в кабинет вошли Денис Крылов и два оперативника с тетанайзерами.

Артём молча включил диктофон на воспроизведение. Когда запись прокрутилась до конца, Агласов встал и, не говоря ни слова, двинулся прочь из кабинета. Крылов остановил его в дверях, и дальше профессор шел уже в сопровождении конвоя.

Никто так и не заговорил.

Прежде чем уйти, Артём не удержался и заглянул в лежавший на столе документ. Это была докладная записка о приобретении нового оборудования. Каждая заглавная буква в документе была аккуратно подчеркнута.

Возможно, психоаналитика это навело бы на интересные предположения о характере Петра Валентиновича Агласова.

Но Артём Камалов предпочитал не искать смысла там, где его не было и нет. Поэтому он пожал плечами и пошел допивать технический спирт вместе с Захаром Киреевым.

Эпилог

У Татьяны он появился уже поздно вечером. Коротко рассказал о проведенном расследовании и вручил официальный счет за услуги. Татьяна рассеянно посмотрела на цифру, спросила:

– Почему так мало?

– Я же не нашел флэш-карту. Агласов ее уничтожил. Полагаю, сломал и спустил в канализацию. А может быть, и сжег дотла – у них там много интересных приспособлений.

– Господи, я же не для этого вас нанимала... – пробормотала Татьяна, доставая и вручая ему деньги. – Вы так быстро все выяснили... я думала, это займет месяцы...

– Если бы я копался, меня бы опередила полиция, – пояснил Артём. – Вы зря их недооцениваете. Там только начальник отдела... излишне прямолинеен. Но не полный дурак. Завтра к вечеру он выпустил бы Светова и принялся за остальных.

– Вы словно заранее знали, кто убийца...

– Не заранее, но понял быстро.

Татьяна удивленно посмотрела на него.

– Убийцей был кто-то из коллег вашего мужа, из близких ему людей. Таких всего пятеро. Иван договорился о встрече в пивном ресторанчике. Профессор Ройбах никогда бы в таком простецком месте не появился. Человек должен был

ждать его в верхнем зале, на местах для курящих. Данилян и Светов не курят. Остаются двое – Киреев и Агласов. Но Киреев – ровесник Ивана. Он не мог совершить никакого преступления, о котором знало бы предыдущее воплощение Ивана. Остается... – Артём замолчал.

– Так просто? – Татьяна прошла по комнате, остановилась у окна, спиной к нему. – Все так просто?

– Да. Но это косвенные улики. Полиция, прицельно взявшись за Агласова, могла накопать какие-то серьезные доказательства. Отпечатки пальцев на отстрельном механизме, к примеру. Свидетелей того, как Агласов волок куда-то наверх тяжелый механизм. Могли быть улики. Но их могло и не быть. Я попытался спровоцировать Агласова на уничтожение карточки – ничего не вышло. Так что основная заслуга принадлежит Ивану. Он подстраховался. Сохранил запись и оставил ее там, где ее неминуемо бы прослушали рано или поздно.

– Вы хороший сыщик, – сказала Татьяна. – Вы так говорите, будто все у вас получилось случайно, но это неправда. Вы великий сыщик... прирожденный сыщик. Спасибо вам...

Артём хотел ответить, но вдруг понял, что женщина давно уже плачет – беззвучно и горько. Ему очень хотелось подойти и утешить ее, но это могло бы закончиться неправильно. Не так, как положено заканчивать очередное дело прирожденному сыщику.

Поэтому он тихо вышел из квартиры и закрыл за собой

дверь. Постоял секунду на лестничной площадке. Ему очень хотелось вернуться, но этого делать было нельзя.

– Господи, не дай мне в следующей жизни снова быть полицейским, – прошептал Артём.

Но он слишком хорошо знал, что Бог – или, по мнению атеистов, случай – не прислушивается к таким просьбам.

Мой папа – антибиотик

Сквозь сон я услышал, как снижается флаер. Тонкое, угасающее пение плазменных моторов, шорох ветра, путающегося в плоскостях. Окно в сад было открыто, а посадочная площадка у нас совсем рядом с домом. Папа давно грозитя перетащить керамические плитки, которыми выложен пятиметровый посадочный круг, подальше в сад. Но делать этого, наверное, не собирается. Если уж ему понадобится сесть бесшумно, то он приземлится с отключенными двигателями. Этого делать нельзя, слишком опасно и сложно, но папа на такие мелочи не обращает внимания.

Дело в том, что мой папа – антибиотик.

Не открывая глаз, я сел на кровати и пошарил рукой по стулу, где была сложена одежда, но передумал и побрел к двери прямо в пижаме. Ноги путались в длинном теплом ворсе ковра, но я нарочно старался не отрывать их от пола. Мне очень нравится этот толстенный мягкий ковер, на котором можно кувыраться, прыгать и делать все, что угодно, не рискуя сломать себе шею.

За окном глухо стукнули посадочные стойки флаера. Сквозь веки просочился тускло-красный свет тормозного выхлопа.

По-прежнему не открывая глаз, я распахнул дверь, начал спускаться по лестнице. Если папа приземлился «громко»,

значит, он хочет, чтобы я знал – он вернулся. Но и я хочу показать, что знаю это.

Шаг, еще шаг. Некрашенные деревянные ступени приятно холодят ноги. Не мертвой стылостью металла, не равнодушным ледяным ознобом камня, а живой, ласковой прохладой дерева. По-моему, настоящий дом обязательно должен быть деревянным. Иначе это не дом, а крепость. Укрытие от непогоды...

Шаг, еще шаг... Я сошел с последней ступеньки, встал на гладкий паркет холла. Забавно определять свое положение по состоянию пола. Шаг, еще шаг. Я уткнулся лицом во что-то твердое и гладкое, как сталь; скользкое и упругое, как рыба чешуя; теплое, как человеческая кожа.

– Гуляешь во сне?

Отцовская рука взъерошила мне волосы. Я уставился в темноту, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь. Ну конечно, папа вошел в дом, не зажигая света.

– Включить свет, – обиженно сказал я, пытаюсь увернуться от отцовской ладони.

По углам холла начали разгораться желто-оранжевые светильники. Темнота сжалась, убегая в широкие прямоугольники окон.

Папа улыбаясь смотрел на меня. Он был в десантном комбинезоне, и обтягивающий его тело черно-смоляной биопластик уже начинал светлеть. Приспосабливался к изменившейся обстановке.

– Ты прямо с космодрома? – спросил я, с восхищением глядя на отца. Как обидно, что сейчас ночь и никто из одноклассников его не видит...

Комбинезон казался тонким, наверное, из-за того, что мускулы рельефно выделялись под тканью-хамелеоном. Но это только иллюзия. Биопластик выдерживает температуру в полтысячи градусов и отражает очередь из крупнокалиберного пулемета. Ткань, из которой сделан комбинезон, имеет одностороннюю подвижность. Не знаю, как это устроено, но если дотронуться до комбинезона снаружи – он твердый, словно из металла. А когда надеваешь (папа иногда мне это разрешает) – он совсем мягкий.

– Мы приземлились час назад, – рассеянно ероша мне волосы, сказал папа. – Сдали оружие – и сразу по домам.

– Все в порядке?

Папа подмигнул мне, заговорщицки оглянулся:

– Все более чем в порядке. Болезнь ликвидирована.

Слова были обычными, как всегда. А вот улыбка у папы не получилась. И спецкостюм у него никак не мог успокоиться: поблескивали разбросанные по ткани датчики, мерцала непонятным узором индикаторная панель на левом запястье. По цвету спецкостюм уже ничем не отличался от бледно-голубых обоев. Шагни папа к стене – и его невозможно будет заметить.

– Пап, – чувствуя, как слетает с меня сон, прошептал я. – Трудно пришлось?

Он молча кивнул. И нахмурился – теперь уже абсолютно по-настоящему.

– А ну-ка, марш в постель. Два часа ночи!

Наверно, таким голосом он отдает приказания *там*, на планетах, пораженных болезнями. И никто не решается спорить.

– Есть! – четко, в тон папе, ответил я. Но все-таки спросил напоследок: – Пап, ты не видел...

– Нет. Ничего. Теперь сможешь болтать со своим другом снова. Связь с планетой восстановят к утру.

Я кивнул и пошел вверх по лестнице. Оглянувшись у самой двери, увидел, что папа стоит на пороге ванной и стягивает с себя гибкую голубую броню. Перегнувшись через перила, я смотрел, как перекачиваются у него по спине тугие клубки мышц. Я никогда не смогу так накачаться, не хватит терпения. Папа заметил меня и махнул рукой:

– Ложись, Алик. Подарок покажу только утром.

Это здорово, подарки я люблю. Папа дарил их мне, еще когда я был совсем маленьким и не знал, кем он работает.

Когда от нас ушла мама, мне было пять лет. Помню, как она целовала меня – я стоял у двери и никак не мог понять, что происходит. Потом мама ушла. Навсегда. Она сказала, что я могу приходить к ней в любой момент, но я так и не пришел. Потому что узнал, из-за чего они с папой поссорились, и обиделся. Оказывается, маме не понравилось, что папа служит в Десантном Корпусе.

Однажды я случайно услышал их спор. Мама говорила что-то отцу – тихо, устало, так говорят, когда доказывают самому себе, а не собеседнику.

– Неужели ты не видишь, в кого превратился, Ян? Ты даже не робот – для них есть Три Закона, а для тебя ни одного. Ты делаешь то, что тебе прикажут, не думая о последствиях.

– Я защищаю Землю.

– Не знаю... Одно дело, когда ваш Корпус сражается с Пилигримскими диверсантами. А другое – когда десантники усмиряют колонии.

– Я не имею права об этом думать. Решает Земля. Она определяет болезнь, она назначает лечение. А я просто антибиотик.

– Антибиотик? Верно. Те тоже лупят наобум – и по болезни, и по человеку.

Они замолчали. Потом мама сказала:

– Прости, Ян, но я не могу любить... антибиотик.

– Хорошо, – очень спокойно сказал папа. – Но Алька останется со мной.

Мама промолчала. А через месяц мы с папой остались одни. Честно говоря, я даже не сразу это почувствовал. Мама и раньше подолгу не бывала дома – она журналист и ездит по всей Земле. Папа бывает дома гораздо больше, хотя раз или два в месяц уезжает на несколько дней. А когда возвращается, привозит подарки – удивительные вещи, которых нет ни в одном магазине.

Однажды он привез Поющий Кристалл. Маленькая, с сантиметр, пирамидка из прозрачного синего камня тихо, не умолкая ни на секунду, наигрывала странную бесконечную мелодию. Звук Кристалла менялся, когда шел дождь и когда на него падал солнечный свет; становился громче, если Кристалл подносили к металлу, и менял тональность, стоило посыпать на него солью. Он и сейчас поет свою вечную песнь, плотно укутанный ватой и запрятанный в самый дальний угол шкафа.

Были еще лотанские зеркала. И рэтские скульптурки – вылепленные из мягкой розовой пластмассы люди выросли, старились, смотрели то улыбочиво, то хмуро. Ну а самым лучшим подарком был пистолет.

В тот раз папы не было почти неделю. Я ходил в школу, играл со своим другом Мишкой, по прозвищу Чингачгук. Ездил с ним и его родителями в соседний город, где начался Праздник смеха. Мишка даже ночевал у меня несколько раз. И все равно было скучновато. Наверно, папа это понял. Когда он приехал, то даже не стал ничего рассказывать. Порылся в сумке и протянул мне тяжеленный металлический пистолет. Секунду я держал его в руках, не догадываясь, в чем дело. И только когда устала рука и я едва не уронил оружие, до меня дошло – это не игрушка. Ее бы не стали делать такой тяжелой, под силу лишь взрослому.

– Он не стреляет, – угадав мой вопрос, сказал папа. – Разбит излучающий генератор.

Я кивнул, пытаюсь прицелиться. Пистолет дрожал в ладони.

– Откуда он, пап? – нерешительно спросил я.

Папа улыбнулся:

– Помнишь, кем я работаю?

– Антибиотиком! – с готовностью ответил я.

– Верно. В этот раз мы лечили болезнь под названием «космическое пиратство».

– Настоящие пираты? – У меня перехватило дыхание.

– Даже слишком настоящие.

...Конечно, папина работа нравилась мне не только из-за необычных подарков. Мне нравилось, что папа такой сильный, сильнее любого из наших знакомых. Он мог в одиночку поднять флаер, мог пройти на руках весь сад. Каждое утро, в любую погоду, и зимой, и летом, он по два часа тренировался в саду. Я к этому привык, а вот те, кто заходил к нам впервые и видел отца меланхолично подтягивающимся на двух пальцах левой руки или разносящим в щепки толстые доски, расставленные в специальных стойках по всему саду, были очень удивлены. Когда же они замечали, что отец двигается и наносит удары с закрытыми глазами, то многим делалось не по себе. Отец в таких случаях смеялся и говорил, что его работа на девяносто девять процентов состоит из тренировок. После этого всегда шел вопрос: кем же он работает. Папа весело разводил руками: «Антибиотиком». Секунду гость переваривал услышанное, потом понимающе восклицал: «Де-

сантный Корпус!»

Проснувшись, я первым делом выглянул в окно. Словно проверял, не приснилось ли мне папино возвращение. Но все было в порядке – среди деревьев мелькала быстрая тень. Папа тренировался, без всякой скидки на то, что не спал полночи. Слышались глухие удары. Мишеням-деревяшкам доставалось изрядно.

Я прошел к видеофону – маленькой матово-белой панели в стене. С тайной надеждой набрал длинный восемнадцатизначный номер. Код планеты. Код города. Номер видеофона...

Экран засветился бледно-голубым, потом появились строчки:

«Служба Связи приносит извинения. Связь с планетой Туан отсутствует по техническим причинам».

Тоже мне извинения... А уж формулировочка какая гладкая! Конечно, если на планете третий день бушует мятеж и тяжелые танки восставших в упор расстреляли ретрансляторы, это можно назвать технической причиной. Точно так же, как человеческую смерть можно обозвать «преобладанием процессов распада над процессами синтеза».

Нажав еще две клавиши, я вышел из комнаты. Теперь компьютер будет повторять вызов сам, каждые четверть часа. У нас с Арнисом заведено дозваниваться друг до друга самостоятельно, но сегодня особый случай. Думаю, он не обидится...

Подарок ждал меня на кухне. На маленьком столике у окна, за которым я люблю завтракать. Рядом с кофейником и нарезанным кексом.

Вначале я налил себе кофе. Откусил кусок кекса. И лишь потом взял в руки широкий металлический браслет, лежащий на коробке с мармеладом.

Браслет был странным. Он ничуть не походил на украшение и еще меньше напоминал какой-нибудь хитроумный прибор из десантного снаряжения. Просто сплюснутая трубка из серого металла. Очень тяжелая трубка, она весила почти как пистолет. На браслете не было никаких кнопок или индикаторов, не было даже замка. Хотя нет... Одна кнопка имелась. Большая, овальная, из того же металла, что и весь браслет. Кнопка была нажата и почти сливалась с ровной поверхностью. Я попробовал ковырнуть ее ногтем, но ничего не получилось.

Непонятный подарок. Допивая кофе, я крутил на пальцах тяжелое кольцо. Браслет вращался немного неровно, словно внутри переливалась ртуть или перекатывались мелкие свинцовые шарики. А что, вполне возможно... Но как он надевается – отверстие такое узкое, что даже моя рука не пролезет?

Вошел папа. В одних плавках, мокрый от пота. Достал из холодильника бутылочку колы и небрежно предложил:
– Побежали к озеру? Освежимся...

Что я, ненормальный, что ли? Десять километров через

лес. После такого кросса не освежиться захочется, а пролежать остаток дня под ближайшим деревом.

– Не... Я не антибиотик.

Допивая колу – папе потребовалось лишь три полновесных глотка, – он насмешливо улыбнулся:

– Так и быть, возьмем флаер.

Я встрепнулся. И снова замотал головой:

– Папа, я не могу. Я должен узнать, как Арнис.

Отец понимающе кивнул. Что такое дружба, десантники понимают прекрасно, не зря папа никогда не ворчит, оплачивая видеофонные счета.

– Часа через два связь будет. Мы проезжали мимо ретрансляторов, ничего страшного с ними не случилось. Антенны целы, ну а приборы заменить – ерунда.

Я снова посмотрел на отца с восхищением. Так спокойно говорить об этом! Словно они ехали в прогулочных электро-мобильчиках, а не в покрытых керамической броней транспортерах десанта. Удивительно! Планета Туан звезды Бэлт. Почти сорок световых от Земли. И мой папа был там. Спасал людей. Лечил болезнь под названием «мятеж».

– Пап, а что это? – Я поднял браслет.

– Оознавательный знак мятежников.

Разъяснить ценность подарка – это целое искусство. Не меньшее, чем выбрать хороший подарок. Папа умел и то, и другое. Теперь я смотрел на металлическое кольцо с куда большим уважением.

– А зачем тут кнопка?

– Что-то вроде сигнала. – Папа забрал у меня браслет и теперь крутил его двумя пальцами. – Мы так и не разобрались до конца, но, похоже, в этом браслете мощный одноразовый передатчик. Кнопку полагалось нажимать в критической ситуации, после ранения или при взятии в плен. Сигнал «я вне игры», понимаешь? Кнопку можно нажать лишь раз.

Это я тоже понял. Владелец браслета свой сигнал уже послал...

– Ты забрал браслет у мятежника?

Папа кивнул.

– А как его надеть?

– Обыкновенно. Всовывай руку, и браслет растянется. Это металл с односторонней податливостью, как мой комбинезон.

Я уже приготовился надеть браслет, когда до меня дошло.

– Папа... а как его снимать? Ведь в обратную сторону он не растянется!

– Конечно. Придется разрезать. Возьмешь резак, просунешь его под браслет, включишь. Потом с другой стороны. И получатся у тебя две половинки и запах гари в воздухе.

Папа замолчал, и я почувствовал, почти физически почувствовал его напряжение. Если папа делал какую-то ошибку, то я замечал это сразу. Мы очень хорошо понимаем друг друга.

– Ладно, я побежал... – Он сделал неопределенный жест.

– На озеро?

Папа кивнул, и я остался один. С тяжелым браслетом в руках. Я смотрел на него, никак не решаясь просунуть руку в тугое металлическое кольцо. Разгадка была в браслете...

Как снять его с руки мятежника, не разрезая? Не портя оригинальный подарок?

Очень просто. Достаточно лишь...

Я замотал головой. Нет.

Нет!

Такого быть не могло. Все гораздо проще. Прямое попадание. Плазменный заряд разрывает негодяя на части. И на почерневшей от жары земле остается его опознавательный знак.

Торопливо, боясь передумать, я надел браслет. Он оказался неожиданно теплым – словно хранящим до сих пор пламя того выстрела. И не слишком уж тяжелым. Походить с ним два-три дня несложно.

Мы живем в пригороде Иркутска. До города километров сто, так что по ночам видны светящиеся иглы жилых башен на горизонте. Чего я никогда в жизни не хотел – так это жить в таких домах. Километр бетона, стекла и металла, бесцельно тянущийся вверх. Как будто на Земле мало места.

Не один я так думаю. Иначе не окружали бы каждый мегаполис двухсоткилометровые пригородные пояса. Уютные коттеджи и многоэтажные виллы, перемешанные с лоскутками лесов и редкими зеркальцами озер.

Я шел по тропинке, ведущей к Мишкиному дому. Тропинка была удобной, даже слишком. Двое мальчишек, пусть даже и бегающих друг к другу по десять раз на день, такую не сделают.

Тропинку проложили роботы по образу идеальной «лесной дорожки», записанному в их кристаллических мозгах. И она получилась что надо.

За каждым поворотом тропинки, за каждым ее непредсказуемым изгибом открывалось что-то абсолютно неожиданное. То среди древнего соснового бора оказывалось живописное болотце, опоясанное ивами и ракитой. То за огромным дубом пряталась полянка с сочной зеленой травой. Быстрый каменистый ручеек пересекал тропинку – а над ним плавной дугой выгибался крошечный деревянный мостик.

По этой тропинке можно было ходить бесконечно – она не наскучит. Пятнадцатиминутный путь сжимался в одно мгновение.

Мишкин дом больше всего походит на маленькую средневековую крепость. Квадратное здание из серого камня, с невысокими башенками по углам. Наверное, его придумали Мишкины родители – они археологи и очень любят всякие древности.

Мишка ждал меня на пороге. Я не звонил ему и не договаривался прийти заранее. Но ничего странного в Мишкином ожидании не было.

Дело в том, что он – нюхач.

Можно, конечно, найти словечко покрасивее, но суть от этого не изменится. Мишка чувствует запахи на порядок лучше любой собаки, не говоря уж о человеке.

Его родители прошли курс спецлечения, чтобы Мишка родился таким, какой он есть. Но сам он, по-моему, не больно-то ценит это. Однажды Мишка сказал мне, что чувствовать одновременно сотни запахов – это очень неприятно. Похоже на какофонию из множества одновременно сыгранных мелодий... Не знаю. Мне лично хотелось бы стать нюхачом и догадываться о приближении друзей за добрую сотню метров, ощущая в воздухе их запах.

Мишка махнул мне рукой.

– Приехал твой папа? – утверждающе спросил он.

Я кивнул. Иногда, когда у Мишки хорошее настроение, он любит хвастаться своими способностями.

– Да. Сильно чувствуется?

– Конечно. Гарь, танковое горючее и взрывчатка. Очень сильные запахи...

Мишка мгновение поколебался. И добавил:

– А еще пот. Запах усталости.

Я развел руками. Все верно, мистер Шерлок Холмс.

– Пошли купаться?

– На озеро?

– Нет, далеко... К Тольке в бассейн.

У нашего приятеля, семилетнего Толика Ярцева, самый большой в окрестностях бассейн. Пятьдесят на двадцать

метров – не шутка.

– Пойдем.

И тут Мишка увидел на моей руке браслет.

– А это что, Алька?

Я небрежно вытянул руку с браслетом:

– Папкин подарок.

– Что это, Алька?

Мишка повторил вопрос, словно и не слышал моих слов.

– Подарок. Оповещательный знак мятежников на планете

Туан.

– Твой папа вернулся оттуда?

Мишка смотрел на браслет с непонятым испугом. Я никогда не видел его таким.

– Ты что?

– Он мне не нравится.

Неожиданная мысль пронзила меня.

– Мишка, что ты можешь сказать про эту штуку? Внюхайся! Ты же можешь!

Он кивнул – с легкой заминкой, словно пытался и не смог найти повод для отказа.

– Дезрастор, – сказал он через минуту. – Очень тщательная обработка. Ничего не осталось... И немножко озона.

– Правильно, – подтвердил я. – Мятежника, который таскал браслет, сожгли плазмометом.

– Выбрось эту гадость, Алик, – тихо попросил Мишка. – Она мне не нравится.

– Вот еще... Папа привез мне браслет из десанта...

Мишка отвернулся. Глухо сказал:

– Не пойду я никуда, Алька. До завтра.

Тоже мне умник. Я презрительно посмотрел ему вслед.

Мишка завидует мне, вот и все. Еще бы... мой папа – антибиотик.

Купаться к Толику я пошел один. Там мое самолюбие несколько успокоилось. Мальчишка выслушал меня, затаив дыхание, а через полчаса уже носился в компании таких же малышей, играя в десантников. Когда я выбрался из бассейна и лениво обтирался тонким разовым полотенцем, из-за дома – современного нагромождения огромных пластиковых шаров – доносилось: «Ты убит, снимай браслет!» Я невольно усмехнулся. Дня на два-три новая игра, с ее громкими выкриками и оглушительными хлопками «бластеров», лишит покоя всех соседей. И это натворил я... Может, сказать Толику, что десантники воюют тихо и скрытно, как индейцы?

Когда я пришел домой, компьютер видеофона продолжал повторять вызов. Связи с планетой Туан по-прежнему не было.

Папу я нашел в библиотеке. Он сидел в своем любимом кресле, неторопливо перелистывая страницы толстой книги с глубокомысленным названием «Нет мира среди звезд». На обложке был изображен звездолет, разваливающийся на куски без всякой видимой причины. Я слегка склонил голову – картинка дрогнула и изменилась, переходя в другую фа-

зу изображения. Теперь звездолет стал целым, а в бок его, куда-то между главным реактором и жилыми отсеками, бил темно-голубой луч. Папа продолжал читать, делая вид, что не замечает меня. Я повернулся и тихо вышел из библиотеки. Если папа принимается за старые космические боевики, это верное свидетельство плохого настроения. Наверно, даже антибиотику бывает грустно.

У себя в комнате, забравшись с ногами на кровать, я с минуту размышлял, чем бы заняться. На столе валялась недочитанная «Сага воды и огня», старинная книжка про войну, выпрошенная на два дня у Мишкиного папы-археолога. Бумажные страницы книжки обтрепались и были залиты прозрачным пластиком, обложка не сохранилась вообще, но читать ее от этого стало лишь интереснее. Вторая мировая война предстала передо мной в совершенно неожиданном виде. Впрочем, я всегда плохо знал историю...

Было и другое занятие: на дискетке компьютера третий день дожидались меня невыполненные задачи по математике. Тянуть с ними не стоило – преподаватель мог вот-вот проверить уроки.

Но вместо того чтобы взять книгу или подсесть к терминалу школьного компьютера, я сказал:

– Включить визор. Информация по восстанию на Туане за последние шесть часов.

На стене засветился мягким светом экран. Замелькали, сменяясь с не воспринимаемой глазом быстротой, кадры. Те-

левизор просеивал тридцать с лишним круглосуточных программ, выживая все сообщения, где упоминался Туан. Через несколько секунд поиск прекратился.

– Двадцать шесть передач. Общая продолжительность восемь часов тридцать одна минута, – сообщил равнодушный механический голос.

– Начиная с первой, – приказал я, устраиваясь поудобнее.

На экране мелькнула эмблема развлекательного канала и заставка «Виктор-шоу». Упитанный мужчина жизнерадостно помахал рукой и сказал:

– Привет! Что вы задумались, как повстанцы перед прибытием Десантного Корпуса?

Повинуясь невидимому режиссеру, грянул гомерический хохот.

– Убрать, – с непонятным самому себе отвращением приказал я.

Прозвучали торжественные позывные правительственного канала, на экране возник громадный зал Ассамблеи. Мужчина перед микрофоном говорил:

– События на Туане продемонстрировали всю необходимость сохранения финансирования...

– Переключить.

Экран налился густой чернотой. Из мрака медленно выплыл медово-желтый колокол. Накатился густой, долгий звон. Информационная программа «Взор».

– Оставить.

Колокол повернулся, превращаясь в человеческий глаз. Зрачок увеличивался, стал прозрачным. Проступили темные пятна транспортеров, фигуры с оружием в руках. Знакомый голос Григория Невсяна – знаменитого обозревателя – произнес:

– Мы на Туане, первой планете звезды Бэлт. Трагедия, разыгравшаяся в этом тихом, спокойном мире, не может оставить равнодушным никого...

Я лежал и слушал. Про экстремистов, рвущихся к власти на Туане. Про обманом втянутых в мятеж людей. Про десантников, с риском для жизни восстанавливающих порядок.

– Некоторые назовут преступным применение десантниками оружия. Но разве не вдвойне преступно втягивать в политические игры подростков, детей? – спрашивал Невсян. – На стороне мятежников сражались двенадцати-тринадцатилетние мальчишки. Им дали оружие, им приказали не сдаваться в плен.

Я почувствовал злость. Это подлость. Мои ровесники... Значит, среди них мог быть Арнис. И ему могли приказать не сдаваться...

– Никто из мятежников, повторяю – никто не сдался в плен. В безвыходных ситуациях они отстреливались до конца, а затем подрывали себя гранатами. Такой фанатизм просто невозможен без гипновнушения.

– Выключить, – скомандовал я, поворачиваясь на спину.

Полежал, глядя в потолок. Наверное, лучше всего мне лечь спать. Заказать спокойную музыку, с плавно понижающейся громкостью и незаметным переходом в шорох дождя. А под утро, для пробуждения, – что-нибудь задорное и темпераментное...

Призывно пискнул видеофон. Вежливо сообщил:

– Вызов принят к исполнению. Установление связи через двадцать секунд.

Я вскочил. Бросился к экрану. Встал перед круглой голубоватой линзой камеры. Связь через двадцать секунд... За сотни, а может, и тысячи километров от меня антенны станции связи готовились выбросить вверх, в космос, мой вызов – сжатый до миллисекунд кодированный сигнал. Где-то над планетой зависший на стационарной орбите ретранслятор подхватит эстафету, передав промодулированным лазерным лучом сообщение на межзвездный передатчик – двухкилометрового диаметра шар, вращающийся по независимой околосолнечной орбите. Там, переведенный на язык гравитационных импульсов, собранный в один пакет с тысячами других сообщений, сигнал отправится во Вселенную. В космосе, вблизи звезды Бэлт, его примут антенны местной станции. И все пойдет в обратном порядке.

На экране успокаивающе светилось изумрудное: «Ожидайте». Но мне уговоры не требовались. Я и так ждал целый день, а теперь не отошел бы от экрана и до утра.

Экран ожил. Секунду изображение было не в фокусе, по-

том подстроилось. На фоне деревянной стены я увидел усталое женское лицо. Мать Арниса. На ней был строгий темный костюм, и я вдруг сообразил, что субъективное время наших планет совпадает. Не похоже, конечно, что я вытащил ее из постели... И все равно ужасно неудобно.

– Здравствуйте... – неловко начал я. – Добрый вечер.

У меня из головы вдруг начисто вылетело ее имя. И чем усерднее я пытался его вспомнить, тем надежнее забывал.

Несколько секунд женщина на экране всматривалась в мое лицо. То ли видеофон никак не наводился на резкость, то ли она просто меня не узнавала. Мы видели друг друга раза два или три, и то лишь по видеосвязи.

– Здравствуй, – без всякого удивления произнесла она. – Ты Алик, друг Арниса.

– Да, – обрадованно подтвердил я. И зачем-то добавил: – Мы были в спортлагере прошлым летом.

Она кивнула. И продолжала молча смотреть на меня. Странно как-то смотреть. Безразлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.